

Ирина Мельникова

Когда придёт время

История первой любви
в письмах

Ирина Мельникова

**Когда придёт время. История
первой любви в письмах**

«Издательские решения»

Мельникова И.

Когда придёт время. История первой любви в письмах /
И. Мельникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509779-8

Каждому человеку хочется счастья. Только каждый видит его по-своему. Моё счастье имеет конкретное имя — Лёня, и знакомы мы с самого детства. Только вот чем старше становимся, тем реже получается видеться. И тем больше я понимаю, как сильно в него влюблена. А он любезен со мной не больше, чем с остальными. Но разве можно забыть первую любовь? Вот и я не смогла. Писала письма тому, кто никогда не прочтёт их, и складывала в ящик стола, надеясь, что однажды эта мечта обязательно сбудется...

ISBN 978-5-00-509779-8

© Мельникова И.
© Издательские решения

Содержание

Когда придёт время...	6
История первой любви в письмах	7
Письмо первое	8
Письмо второе	13
Письмо третье	15
Письмо четвёртое	20
Письмо пятое	25
Письмо шестое	28
Письмо седьмое	30
Письмо восьмое	34
Письмо девятое	36
Письмо десятое	37
Письмо одиннадцатое	43
Письмо двенадцатое	47
Письмо тринадцатое	53
Письмо четырнадцатое	56
Письмо пятнадцатое	62
Письмо шестнадцатое	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Когда придёт время История первой любви в письмах

Ирина Мельникова

© Ирина Мельникова, 2019

ISBN 978-5-0050-9779-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда придёт время...

История первой любви в письмах

..– Отдай мне мою лопатку! Это моё!
– А ты попроси.
– Отдай! – разносится крик из песочницы по всей округе. – Моё!
Недолго думая, девочка решает воспользоваться проверенным способом.
– Мама, скажи ему, он мне играть не даёт!
– Лизочка, играйте вместе, – примирительно произносит родительница, прерывая беседу со своей спутницей – модно одетой девушкой лет двадцати семи, среднего роста, со стрижкой-каре.
– Лёня, зачем ты Лизу обижаешь? – вступает и его мама тоже.
– Я хочу с ней играть, – жалостливо произносит мальши, оттопыривая нижнюю губу и всем своим видом демонстрируя проявленную к нему несправедливость.
– А я не хочу!
– Так, всё, идём в парк. Собирайте свои игрушки, – решают родители, и мальчик тут же кидается на помощь, не обращая внимания на протесты, а потом протягивает девочке руку:
– Пошли.
– Не хочу с тобой идти! – она убегает вперёд, едва сдерживая рвущиеся от досады слёзы.
Вот же пристал!
Но мальчик быстро её догоняет и сам хватается за руку.
– Отстань! – снова кричит она.
– Лиза!
– Лёня! – окрикивают их мамы.
Пару секунд дети смотрят друг на друга, насупившись, словно враги народа. А потом мальчик вдруг убегает, прямо на лету срывает с клумбы белый цветок – петунью – и несётся обратно.
– Лёня, ты что, нельзя! – кричит ему мама, но поздно.
Он возвращается и протягивает трофей своей подружке, широко улыбаясь и демонстрируя отсутствие одного переднего зуба, но ничуть не смущаясь первой боевой потери: упал, когда скакал по порожкам.
Девочка настороженно берёт цветок – первый в своей жизни, – всё ещё глядя на мальчика исподлобья и ожидая подвоха.
А пару минут спустя они уже идут по дорожке впереди мам, держась за руки и простив все обиды. Цветок благополучно забыт на одной из парковых лавочек, о нём никто и не вспоминает. Прохожие умиляются, любясь такой идиллией, мамы улыбаются, радуясь передышке, дети беседуют на свои «взрослые» темы. И всем хорошо. Хорошо так, как бывает только в беззаботные, солнечные дни жизни...

Письмо первое

Когда я перестану говорить с тобой, зная, что тебя нет рядом и не будет? И разговор этот я давно уже веду сама с собой. Странно, что ты в моей жизни занимаешь такое большое место, хотя тебе это вовсе не нужно. Иногда кажется – что ты для меня вообще всё: все мои мысли, все мои дни. Может быть, я вообще родилась для того, чтобы всегда быть рядом невидимой тенью, пока ты обращаешь внимание на других девчонок, чтобы думать о тебе всю свою жизнь?

Это, конечно, глупости. И я не дуручка, я это прекрасно понимаю. Способность рассуждать здраво всегда со мной, и это как раз она заставляет меня грустить. Обидно, что ты занимаешь в моей жизни настолько большое место, а я в твоей – лишь эпизод. Я ведь до сих пор наивно верю, что ты – моя судьба. Не зря же мы дружим с самого детства. Не зря же нас даже назвали похожими именами – Лиза и Лёня. Все предопределено судьбой, и мне кажется, ещё до нашего с тобой рождения было решено, что мы должны быть вместе. Именно поэтому наши мамы оказались в одной палате в роддоме. Именно поэтому мы родились в одном месяце, с разницей в три дня.

Я ведь до сих пор наивно верю, что ты – моя судьба. И в моей голове существует добрый десяток версий нашей с тобой совместной жизни, каждая из которых абсолютно идеальна, потому что в ней ты и я вместе. А на самом деле у тебя своя жизнь. И меня нет ни в твоих мечтах, ни в твоих снах. Только, может, где-то в воспоминаниях. Хотя, вероятно, и в них меня нет...

Ты был моей первой любовью. Единственной и самой сильной.

Тёмные волосы, пронзительные глаза необыкновенного сладко-медового цвета, обольстительная улыбка, приятная внешность и безграничное обаяние сделали своё дело.

Два часа рядом с тобой в эстетическом плане могли бы заменить целые сутки в Третьяковке. Невероятный парень. Такого встретишь – и не можешь оторвать взгляд. В тебя невозможно не влюбиться. Ты это знал и всегда умело этим пользовался.

Я даже не помню, когда именно это случилось со мной. Может быть, накапливалось внутри по чуть-чуть, а потом... Потом оформилось во вполне конкретное чувство – неосознанную ещё, детскую влюблённость, которая никак не проходит. Которая живёт и крепнет внутри с каждым днём.

И как же глупо я чувствовала себя рядом с тобой! Эдакая неловкая Золушка из провинции, случайно оказавшаяся на балу рядом с принцем. Хотя, наверное, так было не всегда.

Я даже не могу сказать, когда именно мы впервые увиделись. Это произошло ещё до того, как в шкатулку моей памяти стали откладываться какие-либо воспоминания. Можно сказать, мы знаем друг друга всю жизнь.

Моё первое воспоминание о тебе незабываемо! Ты, наверное, не помнишь. Мы гуляли по парку, мелкие такие карандаши: я – в разноцветной беретке набок, в пышной юбке-колокол, а ты в модном джинсовом комбинезоне. И, нет, мы не шли, как все нормальные дети, за ручку. Ты всё пытался обнять меня, а я убегала и пряталась за маму, потому что знала, насколько крепки твои объятия. Несмотря на неполные три года, ты уже обладал недюжинной силой и стремился завоёвывать девчонок. Вот только я этого не понимала и каждый раз плакала от такого «внимания».

С тех пор мало что изменилось. Я и сейчас частенько плачу из-за тебя, несмотря на то, что мне давно уже не три года.

Если бы я могла посчитать, сколько дней уже влюблена в тебя, получилась бы целая вечность!

В детстве я опасалась тебя и даже в какой-то степени недолюбливала. Но приходилось терпеть. Наши мамы подружились, когда лежали в роддоме, волею судьбы оказавшись в одной

палате. Общий язык они нашли быстро. А тут ещё общая радость – долгожданный первый ребёнок. На эту тему они могли говорить бесконечно.

Вопреки сложившейся традиции обмениваться номерами телефонов (тогда ещё домашних) и снова вернуться в прежние жизни, позабыв об этом коротком периоде, наши мамы и впрямь стали тесно общаться, и мы, заложники взрослых, вынуждены были всюду сопровождать их и проводить время вместе. Теперь-то я несказанно этому рада, потому что установившаяся традиция встречаться всем вместе меня необыкновенно воодушевляет, а тогда... Тогда я вообще мало что понимала. Да и кто бы мог предсказать, что из толстощёкого обормота Лёньки, стремящегося задушить меня в своих крепких объятиях, может вырасти такой писанный красавец? Девчонок вокруг тебя вьётся – на любой вкус и цвет выбрать можно. Даже предположить боюсь, сколько девичьих сердец ты успел разбить.

К сожалению, всё, на что я имею право в твоей жизни – смотреть на неё со стороны, перебиваясь редкими новостями и скуными фактами о тебе. Мы общаемся только через мам, и от этого горько. Примерно два или три раза в месяц они всегда устраивают совместные посиделки и берут нас с собой. Но чем дальше, тем реже становятся эти встречи, и к нашим шестнадцати общению свелось к звонкам и редким пересечениям один-два раза в год. Чаще не получается, потому что быт, семьи, работа и весь этот длинный список взрослых дел, в который мне не слишком хотелось вникать.

Мамы всё больше общаются с помощью телекоммуникационных сетей, обсуждая новости из жизни своих уже взрослых детей, и я готова возненавидеть современный мир с его дурацким прогрессом. Хотя, с другой стороны, это хоть какой-то источник информации о тебе.

С каким же нетерпением я каждый раз жду нашей встречи! А потом «пережёвываю» внутри себя каждую минуту, ожидая новых «свиданий» и впечатлений.

Но ты всё равно присутствуешь в каждом дне моей жизни. Я, словно бусины, бережно собираю в шкатулку воспоминаний наши встречи, запоминая и записывая каждую мелочь о тебе в свой дневник. Я знаю о тебе так много – насколько это возможно, постоянно находясь на расстоянии от объекта своей симпатии. Я знаю, какого цвета твой рюкзак, какой марки твои часы, в какой школе ты учишься, но не могу предположить, в каком настроении ты сегодня проснулся, что любишь есть на завтрак и во сколько ложишься спать. Не могу поделиться с тобой впечатлениями о фильме и услышать в ответ твоё мнение. Не знаю даже, смотрел ли ты этот фильм... И какая музыка тебе нравится... И снятся ли тебе сны...

Однажды при встрече ты обмолвился, что обожаешь роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Я тут же купила эту книгу и зачитала её до дыр. Она стала моим любимым произведением, потому что казалась незримой нитью к тебе.

Странно, конечно, что мы живём в одном городе, но ни разу не пересеклись просто так, на улице, например. Как будто на самом деле мы существуем в разных вселенных.

Но ты всегда был со мной. Вот, например, играть на гитаре я начала только благодаря тебе. Помню, однажды мы пришли к тебе в гости, и ты стал играть. А я слушала и думала: «Какой же талантливый!» Я уже была в тебя влюблена. И мне хотелось хоть немного быть достойной тебя. Поэтому, чтобы приблизиться к своему идеалу, к своей мечте, я пошла в музыкальную школу. Начинать учиться в четырнадцать лет, наверное, поздно, но меня взяли. И каждый раз касаясь струн, я думала о том, что, возможно, ты сейчас тоже играешь. И, может быть (а вдруг?), думаешь обо мне.

Конечно, я сама изъявила желание заниматься. Мне нравилось, когда люди играют. Когда играешь ты. Но, чтобы так владеть инструментом, нужно, оказывается, битый час тренироваться. Музыкалку я всё же закончила. И не бросила играть по сей день. Правда, случается это по наитию, по зову души. Я даже песни порой сочиняю. Но это так, баловство.

Мы были ровесники, и в этом я тоже всегда видела знак.

Мы родились в один месяц, с разницей в три дня, и поэтому мне кажется, что мы как-то по-особенному чувствуем и понимаем друг друга, как могут понимать люди, рождённые под одним знаком Зодиака. Только тебя отдали в школу в шесть лет, а меня годом позже.

Жили и учились мы в разных районах города, встречались несколько раз в год, но это отнюдь не мешало мне любить тебя.

Я постоянно мечтала. О том, как пройдёт наша следующая встреча, что ты скажешь, что скажу я. Даже улыбку репетировала. Глупости, конечно, но такие милые сердцу. Когда я представляю, как ты улыбаешься в ответ, всё остальное становится неважно.

Сколько у нас было встреч? Я бы, наверное, смогла посчитать их по пальцам. О нескольких из них у меня остались наиболее яркие впечатления. И их уже не стереть. И на память почти о каждой нашей встрече – несколько фотографий в альбоме.

Да, это тоже стало традицией. Мама всегда чинно сажала нас на диван и заставляла смотреть в объектив и улыбаться. От вспышки рябило в глазах, но мы слушались. Сначала нас было двое – только ты и я. Эти фотографии каждый раз доставались из альбомов, чтобы сравнить, насколько мы выросли и изменились.

Вот тут мы гуляем по парку. Под огромным раскидистым дубом, который стоит на центральной аллее и по сей день, мы стоим в объятиях твоей мамы, а моя делает фотографию.

Следующая фотка сделана примерно в это же время, только теперь мы, на время забыв о вражде, увлечённо едим мороженое: я – ванильное, а ты – шоколадное.

А тут мы сидим на диване в вашей гостиной и смотрим в разные стороны. Буквально пару минут назад у нас случилась очередная стычка. Кажется, нам тут по шесть лет.

– Мам, Лёнька меня к тебе не пускает, а я не хочу с ним сидеть, – обиженно надувая щёки и пытаясь прорваться сквозь стену в виде настырного пацана, жаловалась я. И губы дрожали – вот-вот заплачу от собственного бессилия.

– Лёня, ты почему Лизу не пускаешь? – вступилась за меня твоя мама.

– А пусть она со мной поиграет!

– Не хочу с ним играть! Он кусается!

Такие конфликты, где я всячески пыталась избежать твоего общества, а ты – добиться моего внимания, случались у нас регулярно. Могла ли я, маленькая девочка, знать, что влюблюсь в этого кусака Лёньку? Вряд ли.

Не помню, чем дело кончилось. Наверное, в конце концов мы помирились. На тебя невозможно было долго злиться.

Потом фотохроника прерывается, и на следующей фотке нас уже трое – я, ты и мой маленький брат. Я смутно помню период, когда нам было по семь, восемь, девять лет. Кажется, маленькие, маленькие, а потом вдруг – раз! – и сразу по двенадцать. Я тогда и влюбилась.

Здесь я ещё не влюблена. Или просто не знаю об этом.

Зато к следующей встрече с тобой я уже готовилась основательнее: умирала собственные страхи, боролась с отчаянным сердцебиением, уверяла себя, что всё в порядке, что ты обычный парень и бояться мне нечего. И когда это произошло со мной? Сама не знаю. Просто вернулась с той встречи и поняла, что влюбилась.

И расплакалась.

Мама пыталась выпытать у меня, что случилось, а я не могла ничего из себя выдавить – плакала и плакала.

У меня никогда не было от мамы секретов, но почему-то признаться в том, что впервые влюбилась, казалось мне стыдным. Не помню точно, в какой именно момент я выдавила из себя:

– Мам, мне Лёнька нравится.

– Ну ладно, со всеми бывает, – только и сказала она, и я жутко обиделась.

И расстроилась ещё больше. Я, значит, влюбилась, плачу, потому что понимаю, как нереально далеко от меня этот парень и как долго ждать нашей следующей встречи, а она только и может сказать: «Ну ладно»?!. На это СОБЫТИЕ моей жизни? Когда я знаю, что ничего уже не будет как прежде? И с кем это «со всеми» бывает, если это случилось со мной?..

Вот ещё одна фотка в моём альбоме, который я давно уже храню на верхней полке стола – в доступности вытянутой руки. Здесь мы сидим втроём: я, ты и Саша – мой младший брат, – чинно сложив на коленях руки и глядя в камеру. И всем как будто неловко. Ты хотя бы улыбаешься, а я вообще как тапком пришибленная. И глаза выдают напряжённость.

А ещё у тебя так волосы смешно в разные стороны торчат. Естественная укладка. До сих пор, по-моему, не изменилась.

Помню, что братик в тот день остался в квартире с мамами, а мы с тобой пошли во двор погулять. У тебя всегда было много друзей: ты ведь с детства общительный, рубаха-парень, располагающий к себе одной улыбкой. Характер такой. Ты и меня со всеми перезнакомил. Я сперва общалась только с девчонками, рассказала им о себе, получила «секретные» сведения обо всех твоих друзьях, в том числе кто кому нравится. Ты в это время находился в мужской компании, и всем вроде было неплохо. Но потом ты позвал меня...

– Лиз, иди к нам!

Новые подружки были позабыты. Мы устроились полукругом на турниках, и парни под твоим предводительством стали выпытывать у меня информацию, которую я только что получила. А я всё и выложила, что мне про кого рассказали, какие характеристики дали. Ну как же, ведь ты мой друг, и раз ты говоришь, что надо рассказывать, значит, я всё делаю правильно. Ты всегда умел расположить к себе, обаять и тем самым вольно или невольно манипулировать людьми.

Девчонки, с которыми я только что познакомилась, поняли, что к чему, и стали кричать мне:

– Предательница!

Это слово и сейчас звучит в моих ушах. Будь мне тогда не двенадцать, а хоть чуточку больше, я бы так не поступила. А тогда... Не понимала что ли, что так не делается. Что это нечестно, неправильно. Что это предательство, самое настоящее.

Нельзя себя этим оправдывать, но всё-таки...

Потом мы играли в догонялки: я и пятеро парней. Такой славной компании у меня никогда ещё не было. Я плохо ладила с физкультурой, и бег мне тоже давался непросто, чем мальчишки с удовольствием пользовались – поэтому я почти всегда была вадой. В общем, мне это быстро надоело, и я «слилась» – вышла из игры по собственной воле. Сколько меня не упрасивали, отрицательно крутила головой.

– Я лучше здесь посижу, – взобравшись обратно на турники, заявила я.

С безопасного расстояния я наблюдала за игрой, пока в какой-то момент ты не поскользнулся – упал и до крови расцарапал локоть: морщился от боли, но мужественно терпел.

– Надо обработать, а то зараза попадёт, – со знанием дела высказалась я, даже не представляя, насколько тебе больно.

– Всё нормально, – отмахнулся ты. – Только не говори никому. А то меня больше не пустят.

И я, как верная боевая подруга, поклялась держать рот на замке.

Однажды, только гораздо раньше, с нами произошёл аналогичный случай. Тогда мы тоже бегали возле дома, и я упала на асфальт – расцарапала коленку. Кровищи было! Но больше – боли и паники. Мамочки тут же засуетились вокруг, повели нас домой, чтобы прижечь мою рану зелёной. Ух, как же я этого боялась! Плакала – нет, рыдала, стараясь увернуться от страшной и жгучей жидкости в непрозрачной баночке. Ты мне что-то говорил, утешал, кажется. А потом, когда обе родительницы со мной всё-таки справились, подносил мне кон-

феты, печенья, не зная, чем угодить и как помочь, сочувственно гладил меня по здоровой коленке и поминутно спрашивал: «Больно?» А я, хоть и не чувствовала уже боли, всё равно хлюпала носом от жалости к самой себе. И даже конфет не хотелось.

Твои глаза в тот момент я помню до сих пор. Ты действительно сопереживал мне, как будто мы были единым целым. Братом и сестрой. Нет, кем-то большим. Родственными душами.

На память о том дне у меня остался едва заметный шрам на коленке и воспоминания о том, как ты заботился обо мне, а я так и не сказала тебе: «Спасибо».

У меня так много воспоминаний, связанных с тобой! И каждое из них разбивает моё сердце на тысячи осколков. Но если бы меня спросили об этом, я бы ответила, что это большая честь, ходить с разбитым тобой сердцем.

А есть ли у тебя хоть что-то, напоминающее обо мне?

Письмо второе

Сколько же у нас общих воспоминаний! Может быть, они живы только в моей памяти, но благодаря им я чувствую силы жить и надеяться. Как бы мы жили, не имея в душе надежды? Как бы мы жили, не имея воспоминаний?

Сегодня ночью мне снилось, что ты пришёл ко мне в гости с цветами – со скромным, но очень ярким букетом лаванды. Я с благодарностью приняла твой подарок и вдохнула приятный травяной запах. Потом каким-то неведомым образом мы оказались в парке. Ты раскачивал мои качели, а я, хоть и побаивалась, смеялась и смотрела на тебя сверху вниз, стараясь запечатлеть в памяти это мгновение (даже во сне!). Потом мы отправились дальше, к аттракционам, и твоё внимание привлекли электромобили.

– Покатаемся? – с азартом спросил ты, глядя на меня с открытой улыбкой, от которой таяло сердце.

Мне кажется, если бы ты с той же улыбкой спросил: «Прыгнем с крыши?», я ответила бы то же самое:

– Ага, – и легко согласилась на предложенную тобой авантюру, несмотря на сковывавший душу ледяной страх.

Ты ловко перепрыгнул через ограждение и стал выбирать себе автомобиль. А я осталась за ограждением.

Глупый сон. Мне снятся и поинтереснее. Но зато он подтолкнул меня на новую цепочку воспоминаний.

Однажды мы гуляли по парку, и ты, увидев аттракцион с машинками, стал уговаривать маму пойти туда. Нам было лет десять, наверное. Нас посадили в электрические автомобили – меня в красный, тебя в зелёный – и ты рванул, что было мочи. Я с самого детства страшно всего боялась, вот и тогда старалась ехать по кругу, аккуратно выруливая на поворотах. Ты же, наоборот, гнал что есть мочи, и всё старался врезаться в меня посильнее, так что у меня скулы сводило от страха, едва я замечала, как ты приближаешься ко мне на бешеной скорости, с горящими от азарта глазами.

Когда же наконец это мучение кончилось, ты предложил повторить, и твоя мама тут же дала тебе денег на новый билет. Да и я почему-то согласилась, хотя мне всё ещё было страшно. Страшно, но весело. С тобой всегда так.

Правда, тут возникло неожиданное препятствие в виде моей мамы, которая сказала мне наедине: «Лёня один, ему можно и два раза прокатиться, а вас с братом двое, и Саше тоже хочется на чём-нибудь покататься». Это было справедливо, но тогда я обиделась. Хотя, возможно, мама спасла меня от какой-нибудь нехорошей участи: от сотрясения мозга, перелома, заикания или ночных кошмаров.

Я опять достала альбом и открыла на заложенной странице. Вот на этой фотографии нам уже по тринадцать. Мы опять сидим на том же диване, на фоне той же самой стены в вашей гостиной, увешанной фоторамками с твоими достижениями. Я держу руки на коленях, а ты легко, одной рукой, меня обнимаешь. Не знаю, почему с нами не было Саши, он ведь точно присутствовал, но в кадр не попал.

Ты в яркой красно-синей футболке и простых серых бриджах, с улыбкой в тридцать два зуба – довольный и счастливый. Я именно таким тебя помню и знаю: с очаровательной улыбкой и неизменной причёской – забавной шевелюрой в разные стороны. А я стеснительно улыбаюсь, словно делаю одолжение, руки держу прямо перед собой, ссутулилась страшно. Как будто эта твоя обнимающая меня за плечи рука – тяжкий груз. Хотя это, конечно, не так. Вон ты как интеллигентно её держишь, едва касаясь меня.

Коленки у тебя содраны. Настоящий мальчишка – всегда где-нибудь носился, что-нибудь ломал, обо что-то спотыкался, но никогда не плакал и не сдавался. Об этой встрече я мало что помню. А вот о следующей, через год...

К ней я готовилась долго и тщательно. Собиралась и морально и физически, до тех пор, пока поняла: не могу больше думать о том, как буду себя вести. О каждом слове, которое нужно сказать, о каждом жесте, который может меня выдать. Буду такой, какая есть. Только чуть лучше.

А тут мама «обрадовала»: к тёте Свете – твоей маме – не поедem, потому что вы с ней улетели по горящим путевкам в Египет. Думаю: «Может, это и к лучшему, пару сотен нервных клеток сберегу – они у меня не лишние». Но, к лучшему или нет, а целый час проплакала под грустные песни. Любовь зла...

Наша встреча всё-таки состоялась, хоть её и пришлось перенести на целую неделю. И когда я узнала, что мы всё-таки увидимся, прыгала чуть не до потолка. Потом подуспокоилась и стала раздумывать на всякие важные темы. Ну, как обычно: во что одеться, как себя вести, чтобы привлечь твоё царское внимание, но при этом не переборщить. Где эта золотая середина?

Вот какие непростые задачи я ставила себе в тринадцать лет, пока ты развлекался с парнями, играя в футбол. Я хотела быть непревзойдённой. Не такой, как все те девчонки, что выются вокруг тебя. Чтобы у тебя дух захватило. Хотя должна была догадаться, что удивить тебя очень непросто – практически невозможно.

Я должна держать спину ровно. И смотреть чуть-чуть свысока, с лёгкой полуулыбкой на губах. И говорить чуть-чуть с усмешкой, чтобы быть на одном с тобой уровне. Хотя так всё равно бы не получилось, потому что мы словно с разных планет. Во всех смыслах. Мне, неуверенной в себе и всегда зажатой тисками собственных комплексов, твои раскованность и умение вести себя на равных со всеми, даже со взрослыми, казалась необычайной смелостью.

После таких мыслей я обычно начинала превращать свою любовь в трагедию. Это вообще моё любимое занятие. Я думала о том, что у тебя обязательно есть какая-нибудь зазноба, которая занимает так много места в твоём сердце, что для меня его там совсем не осталось. Что я невезучая, потому что есть девчонки – твои одноклассницы, которые могут видеть тебя каждый день. Эх, если бы я училась хотя бы в одной с тобой школе! А так – мы вроде и живём в одном городе, и мамы наши – подруги, а что толку? Видимся от силы пару раз в год.

Когда я делилась с мамой своими переживаниями, потому что попросту не могла держать их в себе, она удивляла меня своим ровным тоном: «Не наше это, Лиза. Посмотрели и поплыли дальше». Что-то типа этого. Но я уже не могла успокоиться. Я даже представить не могла, что однажды влюблюсь в кого-то ещё. В кого? Разве есть кто-то лучше?

А вот если бы мы пересеклись, к примеру, на дискотеке (ты туда, интересно, ходишь? Я была один раз). И если будет медленная мелодия, и вдруг ты пригласишь меня на танец... А я «сяду в лужу», потому что танцор из меня никудышный. А может, и кудышный, просто я ещё ни с кем не танцевала, так что судить о собственных танцевальных способностях мне пока трудно.

А вдруг будет так: твои руки на моей талии, мои – на твоих плечах, и мы так близко, что даже дух захватывает, и чувствуешь дыхание друг друга. Твои бездонные глаза напротив – и я совсем теряю голову. И мне уже всё равно всё на свете!

Всё! Хватит мечтать! Я готова. Готова увидеться с тобой. И будь что будет.

Письмо третье

Мы нажали на домофоне две цифры, и уже через секунду оттуда донёлся вполне взрослый мужской голос – твой, конечно, я не могла его не узнать.

– Кто там?

– Открывайте, – бодро скомандовал братик, в то время как у меня уже тряслись все поджилки от волнующего душу предчувствия.

Мы поднялись на четвёртый этаж, пару секунд постояли перед закрытой металлической дверью. А потом замок заворочался, и дверь отворилась. За ней был ты. Уже не Лёнька, а дядя Лёня! Рост, наверное, метра два. Рубашка нараспашку.

– Ой, вы извините, мы ещё не совсем подготовились. Но вы проходите, – с безупречной, как всегда, улыбкой и оригинальным чувством юмора выдал ты, скользнув по мне взглядом и одарив улыбкой.

Я прошла в квартиру вслед за мамой и братом, неловко держа в руках торт.

– Давай, – протянул руки ты, принимая сладкий презент.

– Держи, – отчего-то пугаясь смотреть тебе в глаза, произнесла я.

– Спасибо.

Я освободилась от ноши, и у меня наконец-то появилась возможность нормально разутягаться, а заодно осмотреть тебя, словно бы невзначай, с ног до головы, улучив пару секунд. Ты был на босу ногу, в синих джинсах и в обалденной чёрной рубашке, ещё больше оттеняющей цвет твоих глаз. Пока я разувалась, ты успел застегнуться. А жаль...

Да, ты стал ещё красивее, чем прежде, и я была близка к тому, чтобы упасть в обморок или воскликнуть: «Мамочки мои!» Ну и чем после этого я отличаюсь от остальных девчонок? Мне бы стойкости...

– Какие вы большие стали! – между тем протянула мама, с не меньшим удивлением рассматривая тебя – парня, который уже перерос родительниц на целую голову.

– Ну, вы тоже не вниз растёте, – подмигнув мне, в привычной манере ответил ты. И я опять опустила глаза и, наверное, покраснела, словно фанатка, которую кумир неожиданно вытащил к себе на сцену прямо посреди концерта.

После обмена поцелуями в щечку наши мамы отправились на кухню, и моя учудила, бросив напоследок:

– Лиза, Саша, вы идите, вам Лёня компьютер покажет, – чем ещё раз вогнала меня в краску.

– Ма, ну ты совсем первобытного человека-то из меня не делай, – нахмурилась я, плетясь где-то позади любимого мальчика.

Ты засмеялся, и мне стало легко-легко. Значит, я всё правильно делаю.

В твоей комнате я была не впервые, но со времени нашей последней встречи здесь произошли значительные перемены. Вместо старой кровати в углу красовался огромный диван, новая стенка в стиле хай-тек, компьютер. Они только-только начали появляться в домах и были уже у парочки моих одноклассников. Мне же оставалось пока лишь мечтать об этом чуде техники, который для нашей семьи являлся чем-то вроде предмета роскоши. Да и зачем он, в принципе, нужен?

– Ну, для начала предлагаю сесть... – начал ты издалека, уступая нам с Сашей диван и усаживаясь напротив – в крутящееся кресло.

Мы сели, ожидая дальнейших указаний.

– Ну и где твои гениальные мысли? – выдал братец, прежде чем кто-либо успел сориентироваться.

И где он научился так свободно держаться? Вроде мы из одной семьи, и родители общие, но я сижу, будто воды в рот набрала, а он так раскованно себя чувствует. Это ж надо, заявить красавчику Лёньке: развлекай, мол, нас, мы же пришли к тебе в гости.

– Гениальные мысли сказали, что придут завтра, – грациозно выкрутился ты.

– Но завтра не придём мы, – парировал Сашка. Видимо, детям позволено многое.

– Логично, – с очаровательной улыбкой хмыкнул парень моей мечты и снова стрельнул в меня взглядом.

«Господи, где моё спокойствие?» – подумала я в очередной раз, застенчиво пряча глаза. Разве можно чувствовать себя уверенной рядом с таким как ты, Лёня? С и-де-аль-ным...

– Может, сыграешь нам? – предложил брат, беззастенчиво оглядывая комнату и замечая гитару в углу.

Хорошо, что ты не знаешь о том, что я тоже учусь игре на гитаре. Я и так ещё не слишком хорошо владею этим навыком, а, зная, что ТЫ на меня смотришь и слушаешь, совсем бы растерялась.

– Потом, – отмахнулся ты, включая компьютер и покручиваясь в кресле.

– Ну Лёнь, – преодолевая себя, принялась уговаривать тебя я. Хорошо ведь помню, как классно ты играл в прошлый раз.

– Не, потом. Уже потом-потом, когда уходить будете.

Ну и, конечно, переубеждать тебя – дело бесполезное.

Уверенно переводя тему в другое русло, ты спросил у меня, зарегистрирована ли я «ВКонтакте». Мог бы и догадаться. Компьютера ведь у меня нет. Поэтому мне ничего не оставалось как заявить:

– Нет. Я предпочитаю аську.

– Пр-р-редпочитаю, – передразнил ты, скорчив забавную рожицу. – Ну ладно, тогда дай свой номер.

– Номер? – тупо переспросила я.

– Ну, мобильник же у тебя есть?

– А-а-а, да... – неловко протянула я и продиктовала выученные наизусть цифры.

Что творилось в моей душе! Сколько мыслей вилолось вокруг этого факта.

«Лёня взял у меня номер телефона? Значит, он мне позвонит? Значит, он хочет, чтобы мы больше общались и, возможно, даже увиделись. Вдвоём. А потом...»

Я только тогда и обнаружила, что мы с тобой никогда не оставались наедине. Это и хорошо, наверное. Потому что я слабо представляла, как себя вести и о чём вообще говорить. Хотя рядом с тобой это вовсе не обязательно – ты ведь такой балабол, сам всё расскажешь – остаётся только кивать и улыбаться. Идеальный собеседник.

– А хотите, я вас кое с кем познакомлю, – загадочно выдал ты, пока я продолжала приходить в себя и внутренне ликовать оттого, что лучший в мире парень взял у меня номер телефона. – Минуточку.

Ты выскользнул из комнаты и через какое-то время вернулся с котом в руках. Это был не просто милый котёнок, а огромный рыжий кот с редкими белыми полосами вдоль туловища, который отчаянно норовил от нас ускользнуть, всё время шипел и дико линял, оставляя свои рыжие отметины везде, где ступали его лапы.

– Его зовут Макс, – гордо отрекомендовал ты, сажая кота прямо мне на колени.

Я натянуто улыбнулась, скрывая тот факт, что на самом-то деле я страшно недолюбливаю этих животных. А уж таких своенравных тем более.

– Он породистый? – спросил Саша, протягивая руку к коту и поглаживая его за ушами. Макс ответил нервным шипением и спрыгнул с моих колен, оставляя на тёмной вельветовой юбке целый моток рыжей шерсти.

– Да ну, я его на улице подобрал. Уже почти год у нас живёт. Сначала был маленьким котёнком – грязным, лохматым. Мы его часа три отмывали. А потом освоился, уже хозяином себя тут чувствует. Утром просыпаюсь, а на мне лежит эта туша. Еще когтями в пододеяльник вцепится – фиг оторвёшь.

Я слушала тебя и смеялась, хотя мне казалось не слишком уж романтичным просыпаться в одной кровати с котом. И я была очень рада, что это толстое рыжее существо улизило от нас в гостиную.

– На самом деле он не слишком нуждается в компании, – проводил его взглядом ты, после чего с привычной скоростью переключился на новую тему: со всей откровенностью заявил, что мама – тётъ Света, – предупредила о нашем приходе только за час, вот и пришлось закидывать вещи как зря. Мол, после поездки в Египет в комнате царил жуткий беспорядок. Ну да, в шкафу и тумбочке, когда ты лазил туда за дисками, особого порядка не наблюдалось.

Потом следовали длинные и увлекательные рассказы о поездке за границу. Их я слушала с удовольствием, наслаждаясь твоим приятным, совсем уже взрослым голосом, любуясь его безупречной внешностью, поражаясь умению подать любую, даже самую банальную историю в необычном свете.

Ты легко мог заставить нас рассмеяться, и это лишь прибавляло тебе очарования в моих глазах.

Потом вы с Сашей нашли общую тему – стали играть в стрелялки в компьютере, а мне ты поставил какую-то американскую комедию, но, едва она началась, мамы позвали к столу.

Я сидела между тобой и Сашей и не могла не улыбаться, когда мальчик моей мечты оказывал мне какие-нибудь маленькие, но очень приятные знаки внимания. Сперва отодвинул стул, предлагая сесть, и только после этого присел сам. Потом накладывал нам салаты, пользуясь тем, что ты – единственный мужчина за столом, не считая ребёнка. За чаем, прежде чем взять печенье самому, предлагал нам с братом. Я, не избалованная мужским вниманием, каждый раз невольно млела от малейшего взгляда, направленного в мою сторону. Господи, как же я мечтала, чтобы этот день не кончился!

Потом ты играл на гитаре. Совместными усилиями мамы уговорили тебя продемонстрировать свои таланты, и ты, перебрав несколько струн, начал играть что-то романтическое, про любовь и май, про головокружительное счастье, которое я ощущала внутри себя.

В этот момент ты смотрел на меня. И, безусловно, мне было приятно. Это я так очень скромно описываю то, что чувствовала.

Этот пронзительный взгляд рождал столько иллюзий...

Весь этот день был пронизан иллюзиями, безграничным размахом фантазии на тему: «Если бы я и он...»

Потом ты включил музыку. Сначала быструю, а потом медленную. И встал позади меня, да ещё и руки положил на спинку моего стула. Сердце у меня забилося как ненормальное.

«Неужели сейчас пригласит танцевать? И все будут смотреть?» – я сразу отказалась от такой перспективы. Не могла представить, что эта мечта так близко – вот-вот воплотится. Но всё обошлось. Музыка сменилась, а ты так и не предпринял попытки пригласить меня. Возможно, что-то почувствовал по моей напряжённой спине, по скованным движениям. Или просто не захотел. Это так на тебя похоже.

Потом родители снова оставили нас одних. Мы смотрели фотоальбомы, смеялись над твоими забавными комментариями. Я люблю людей с чувством юмора. Может быть, потому, что сама им не обладаю – только неуклюжестью и букетом комплексов.

В какой-то момент разговор перешёл на тему любви. Мой брат, несмотря на свои (всего-навсего!) семь с половиной лет, начал совсем по-взрослому рассуждать о том, что у него уже есть три претендентки в невесты, и как сложно выбрать из них кого-то.

– А зачем тебе три? Ты подружись с одной девочкой и дружи, – дал ценный мужской совет ты. – А потом поженитесь. Как мы с Лизой.

Мы на секунду встретились взглядами, и я тут же отвела глаза в сторону – на брата, который, сам того не зная, своими философскими рассуждениями о любви заставил меня покраснеть. Или это ты, озвучивший то, о чём я даже не смела мечтать, вверг меня в ступор своей откровенностью?

Я подумала, что это намёк. Я поверила. Дурочка...

Да, ты умеешь обольщать. Всегда умел. И это не навык, это талант.

Если ты надеялся расколоть моё сердце – зря. Оно раскололось уже давно, когда я впервые почувствовала, что влюблена.

Когда мы прощались, ты подмигнул мне, заставив моё сердце заволноваться ещё раз.

Потом я ждала звонка. Но его не было. Я убеждала себя, что ты слишком занят. Или просто выжидаешь время. Или... Ну какие ещё могут быть уважительные причины, чтобы не позвонить девушке, у которой взял номер телефона? Забыл? Потерял? Не счёл нужным?

Ты так и не позвонил. И на следующий день утром – тоже. И через два дня... Прошла почти неделя с момента нашей встречи, а я всё никак не могла смириться с тем, что этого уже не случится. Забыл, наверное. С кем не бывает?..

Я опять угадала со стопроцентной вероятностью исход нашей встречи: сначала «летала», парила в мечтах и строила иллюзии на тему «а вдруг». «А вдруг» не случилось, и я больно «упала». Когда поняла это – всё утро проплакала, и такая апатия ко всему была. Не день и не два. Я долго прихожу в себя после наших коротких встреч – такое сильное воздействие они на меня производят. Слезы готовы были брызнуть из глаз в любой момент, но я держалась. Это очень тяжело, и я надеюсь, тебе никогда не придётся пережить нечто подобное.

Увы, сладкие мальчики причиняют совсем не сладкую боль.

Постепенно это чувство притупляется, как послевкусие от просмотра хорошего фильма с трагическим концом.

А что я должна была сделать? Единственное, что мне оставалось, чтобы продолжать как-то жить, а не жалеть себя – это забыть о тебе.

На улице опять было тепло, солнце щедро дарило свои золотые лучи, и небо было голубым и огромным... Я смотрела вокруг и думала: каким же надо быть упрямым, чтобы не замечать всего этого, не радоваться жизни и красоте мира вокруг, а плакать и считать себя неудачником? Куда нужно спрятать глаза, чтобы не видеть ничего хорошего? Не хочу быть такой.

В общем, я изо всех сил работала над собой, старалась любить людей и быть терпеливой, но всё равно бывало тяжело. Только представьте, каково это: жить в одном городе и не иметь возможности встретиться! Знать, что над нами одно и то же небо, между нами – одни и те же, знакомые с детства, улицы, и сотни лиц, а того, кто действительно нужен, среди них почему-то нет. И каким же огромным должен быть маленький город, чтобы мы в нём ни разу не встретились! Я чувствовала, что мы рядом, и это согревало меня. Это давало надежду на следующий день: вдруг увидимся? Ведь достаточно случая. Я об этом мечтала. Просто встретиться, пусть даже взглядом. Никаких общих фоток, можно даже ограничиться ёмким «привет» и просто пройти мимо. Я просто увижу тебя, запомню всё в голове. Каждую секунду, каждое слово, каждый взгляд, каждый вздох... Вот и скажи мне после этого, дар это чувство или болезнь, если мы становимся от него зависимыми, неуправляемыми, настоящими сумасшедшими?

В детстве всё было проще. Помню, мамы водили нас в дельфинарий. А потом его сотрудники, добрые девушки в специальной форме синего цвета, разрешили нам погладить своих питомцев. Я боялась и по привычке прижималась к маминым коленям, а вот ты нисколько не испугался и я, глядя на твой смелый поступок, немножко завидовала. Потом решилась, и оказалось, что сделать шаг вперёд совсем не страшно. Иногда я вспоминаю об этом эпизоде

и думаю, что, возможно, мне следует чаще делать тот самый шаг, на который ты сподвиг меня в детстве своим примером. Увы, если в мечтах и снах я могу быть такой – отважной и смелой, то наяву лишь восхищаюсь подобными поступками и теми, кто их совершает. Я не из их числа, не их тех, кто готов первым броситься в воду, остановить коня на скаку или повести за собой толпу. Я, скорее, ведомая. А вот ты – лидер. Наверное, мы были бы отличной парой.

Но мы росли, и помимо любимого мальчика в моей жизни были другие дела и увлечения. Конечно, мне всё ещё хотелось видеть тебя почаще и знать о тебе так много! Интересно, смогу я когда-нибудь есть свою овсянку на завтрак и не задаваться вопросом: «Что ест по утрам мой Лёня? Любит ли он бананы больше, чем яблоки?»

Смогу ли я подпевать песням о любви, не посвящая их тебе? Есть ли у тебя настоящий верный друг? А девушка?..

Нет, про девушку, наверное, лучше не знать. Я ничего об этом не слышала, и даже на фотографиях у тебя дома не видела. И ты никогда о ней не говорил, поэтому в моей душе жила надежда, что твоё сердце всё ещё свободно. Всё ещё ждёт настоящего чувства. Хотя я знала – догадывалась, что долго так продолжаться не может. А ещё в глубине души я надеялась, что ты ждёшь именно меня, хотя и понимала, что на чувства с твоей стороны рассчитывать глупо. Ты красивый, популярный, талантливый, а я... обычная. Вот если бы в наши дни всё ещё было принято обручать родителям своих детей, мы с тобой были бы вместе, и всё было бы намного проще.

Я не хотела, чтобы ты был в моей жизни случайным прохожим, эпизодом из прошлого, который нельзя забыть, и повторить тоже нельзя. Но разве может быть случайным тот, кто рядом не год, не два, а с самого детства?!

Письмо четвёртое

Почему жизнь не может быть проще?

Почему после каждой встречи с тобой я плачу и терзаюсь вопросом: как ты ко мне относишься? Похоже, так же, как и к другим знакомым девчонкам, коих у тебя, как у человека гипербобщительного, миллион, – не особенно замечаешь. Но один случай всё-таки зародил надежду в моём сердце...

Я тебя видела, и это было не во сне...

Мы с мамой и братом пришли в магазин. Мама выбирала овощи для салата, а мы с Сашкой перепихивались плечами – никто не желал прекращать бой первым, – когда раздался этот звонок, и мамина подруга тётя Света пригласила нас в гости.

До этого мне казалось, что я уже почти не вспоминаю о тебе. Какой смысл вспоминать о том, кого видишь три-четыре раза в год? Да и не нужен ты мне! Только вот тебе от таких рассуждений было ни горячо, ни холодно, а я безуспешно пыталась убедить саму себя. И мне казалось, что всё получается. До очередного звонка твоей мамы.

Тётя Света пригласила нас в гости завтра.

Как же я мечтала об этом «завтра»! Я даже представить себе не могла, какой ты сейчас, потому что с нашей последней встречи прошло уже десять месяцев. ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ! Это больше трёхсот дней подряд. Смог бы человек прожить столько без воздуха или еды? Вот и ты для меня был как воздух, и особенно сильно это ощущалось в последующие после очередной встречи дни. А потом я привыкала и снова погружалась в режим «ожидание». Человек, знаешь ли, ко всему привыкает, если сумеет выдержать и не сломаться в минуту, когда ему кажется: хуже вообще быть не может.

А я... Да, я всё ещё недостаточно взрослая, умная и рассудительная, чтобы принять как данность тот факт, что на свете есть вещи, которые сильнее нас. И если мы не встречаемся, значит, так лучше... Только кому? Может, ещё не время? Ну не верю я в такую любовь, когда начинают встречаться в пятнадцать и ухитряются пронести свои чувства до двадцати с небольшим – до женитьбы, и потом ещё – целую жизнь. Покажите мне эту пару. Вот мы с тобой – другое дело. С детства знаем друг друга (будет что детям и внукам рассказывать), лет в девятнадцать где-нибудь случайно встретимся, и ты вдруг поймёшь, что рядом с тобой всегда была та, которую ты искал. И больше уже не захочешь расстаться. И мы поженимся. И...

На этом моменте я обычно себя прерываю, потому что – о, это дурацкое чувство, когда ты уже почти замужем, а мальчик ещё не в курсе!

Кстати, недавно мама затеяла разговор о счастливом будущем, и о том, что однажды я встречу своего человека – умного, воспитанного, образованного, и всё у нас будет хорошо. Мне так и хотелось сказать: это бред! Я уже встретила своего человека, и он в сто тысяч раз лучше всех умных, воспитанных и образованных! И никто мне больше не нужен. И никогда не будет нужен. Но каждый раз, когда я пытаюсь завести с ней разговор о тебе, она как-то странно улыбается и качает головой, как будто вот-вот скажет что-то философски-надменное вроде: «Это пройдёт!» Честное слово, даже хорошо, что она молчит, потому что иначе я бы просто с ней поругалась и отказалась в дальнейшем общаться. Разве можно смеяться над чувствами? Разве можно говорить, что их нет, что это пройдёт, что это неважно? А что тогда важно?

Наша встреча состоялась в пять часов вечера в твоей квартире. Ты чуть-чуть изменился (опять!) – стал более взрослый и мужественный, и рубашка с закатанными до локтя рукавами отлично демонстрировала твои сильные руки с выступающими венами (просто взгляд отвести невозможно!). Твоя мама сказала, что в последние месяцы ты стал увлекаться спортом и фотографией, а ещё, оказалось, ты давно сочиняешь тексты и музыку и подумываешь поступить на журфак. С ума сойти, сколько открытий! И сколько талантов может жить в одном человеке?

На этот раз мы сидели за общим столом напротив друг друга, и я постоянно смущалась. Мне казалось, что я не так держу вилку, как-то некрасиво ем (а вдруг я чавкаю?). В общем, не девочка, а ходячий комплекс.

А когда я поднимала глаза, надеясь получше запечатлеть твоё лицо в своей памяти, непременно наталкивалась на твой взгляд. И, знаешь, лучше смотреть в стену, чем в твои сверкающие медово-карие глаза, которые я так люблю и боюсь потерять.

Ты свободно общался с мамами, словно вы были ровесники. У тебя всегда всё легко. Кажется, будто ты таким и родился – непосредственным, обаятельным, дружелюбным.

А потом нас отправили в комнату, обоснуя всё тем, что общих интересов у взрослых мамашек и юных детей ещё мало, так что лучше всего делиться компаниями. Никто и не возражал. Я только боялась, что придётся теперь общаться с тобой тет-а-тет, а не отмалчиваться, любуясь тобой со стороны. Я не умею делать это так же легко и непринуждённо.

В твоей комнате всё было так же, только вместо дивана теперь был другой – угловой и широкий, серого цвета. И, как всегда, груды мусора – одежда, рюкзак, тетрадки, листы...

– Вообще-то, не предполагалось, что гости сюда заглянут, – пояснил ситуацию ты, ловко сгребая всё лишнее в ящик. – Теперь порядок. Присаживайтесь. Ну, что...

Ты задумался, и я тут же выдвинула идею.

– Лёнь, спой!

Наверное, тебя уже достало, что все, кто приходит в гости, просят сыграть или спеть. Наверное, мало приятного в том, что тебя выставляют как гвоздь программы на всеобщее обозрение и командуют: «Спой! Сыграй! Расскажи!». Но я так редко с тобой встречаюсь, что, наверное, могла бы уже иметь какую-то привилегию. И, в конце концов, так сложно было устоять перед соблазном услышать твой манящий голос и песню, возможно, написанную тобой самим. Мне хотелось бы знать, какую ты выберешь для меня?

А вдруг ты посвятил её мне? О, бредовые мысли, хватит! Делать тебе больше нечего!

Ты задумался, но в конечном счёте всё же полез за гитарой.

– Ну ладно.

От твоего прекрасного голоса щемило в груди. Я смотрела в твои глаза, слушала слова песни, словно пропитываясь ими, и чувствовала... Мне впервые было не страшно. Хотелось закричать: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

Мамочки, до чего же сильно я люблю тебя, Лёня! Какой же ты – мой! И я не могу представить своей жизни с кем-то иным, не с тобой...

Такие как ты не могут не нравиться. Парень, который обладает невероятной харизмой и обаянием, играющий на гитаре, услужливо открывающий двери, с отменным вкусом и чувством юмора. При всём при этом обладающий такой красотой: нереально яркие глаза в сочетании с приятной внешностью. Бог создал тебя совершенством, и я должна быть счастлива уже от того, что знакома с тобой, что могу, хоть и редко, общаться. Нельзя же требовать от звезды, чтобы она сияла исключительно над твоим окном. Нужно радоваться, что она есть где-то в небе, и ты её видишь. И все её видят... Она свободна. И недосягаема.

Если задуматься, то станет понятно, что боль причиняет нам не любовь, а собственный эгоизм. Желание завладеть всем без остатка и ни с кем – ни с кем! – не делиться. Только это невозможно.

От этих мыслей опять стало больно, и я постаралась сосредоточиться на словах песни, глядя, как твои пальцы перебирают струны. Я играю совсем не так хорошо, к сожалению. А ты, за что бы ни брался, во всём достигаешь успеха. И где справедливость этого мира?

– Если когда-нибудь мир завершит свой бег,

Если ослабнут все нити на нашей планете,

Мы всё равно совершим побег,

Мы ведь всё те же с тобой,

Мы влюблённые дети...

Это же не то, что я думаю, правда? «Влюблённые дети...» Это же просто красивый оборот речи?!

– Мир может хоть каждый день беспрестанно меняться,

Мы всё равно навсегда остаёмся собой,

Также доверчивы и, к сожалению, беспечны,

Забывая о том, как часто ранит любовь, – пел ты уже другую песню, перейдя к ней без лишних вступлений, только подстроив гитару.

Я слушала и боялась дышать. Даже Сашка притих.

Знаешь, о чём я думала в те секунды? О том, как хорош ты во всём, за что бы не взялся. Слишком хорош. Мог бы дать шанс и другим парням проявить себя.

– Ну как? – спросил наконец ты, откладывая гитару в сторону.

– Очень круто! – похвалила я. А себя отругала. Не могла что-нибудь пооригинальней придумать? Как будто у меня словарный запас – двести слов. – Ты сам сочинил эти песни?

– Да, балуюсь на досуге, – скромно признался ты.

– Ничего себе, «балуюсь». Тебе бы на сцену! Мигом бы стал кумиром.

– Каждый для кого-то кумир, а для кого-то – неудачник, – философски произнёс ты, опять используя этот взгляд – а-ля «все девчонки умрут от счастья».

Я не сочла нужным комментировать эту реплику, тем более что представить тебя неудачником было нельзя. Ты – совершенство.

– А как ты пишешь свои песни?

Ты пожал плечами и посмотрел мне в глаза. Пронзительно. Снова.

– Беру гитару, сажусь, и мелодии сами оказываются на поверхности. Особенно когда есть какие-то острые переживания, их хочется выплеснуть. Как, знаешь, говорится: «От разделённой любви рождаются дети, от неразделённой – стихи». В моём случае – песни.

Стоп-стоп-стоп... Дети? Нам самим всего по шестнадцать!

Наверное, это чьё-то высказывание.

Интересно, и что это за девушка, которой ты посвящаешь песни о неразделённой любви? Разве такая есть? Я бы хотела на неё посмотреть. Посмотреть, какие девушки нравятся таким, как ты.

Сколько я тебя, Лёня, помню, у тебя всегда было много друзей. И неужели нашлась та, что не сумела ответить взаимностью?!

А вдруг это мне? Вдруг ты тоже думаешь обо мне холодными зимними вечерами, смотришь в окно, на кружащиеся в воздухе хлопья снега и, перебирая аккорды, вспоминаешь об этих встречах.

«Ага, как же, о тебе он думает. Никого получше у него в окружении не нашлось», – тут же вклинился противный внутренний голос.

Я себя не переоцениваю. Знаю, что есть и умнее, и симпатичнее. И они уж точно не будут сидеть и тушеваться рядом с тобой. Да и ты вряд ли бы постеснялся перед девчонкой, которая тебе нравится. Так что хватит питаться иллюзиями!

Потом мы пошли гулять. Это была твоя идея.

– Что-то мы загрустили. Пойдёмте гулять, вон погода какая хорошая, – выглядывая в окно через занавеску, предложил ты, и мы с братом одобрили эту идею, хотя и не продемонстрировали особенного восторга: я – в силу внутренней скованности, а Сашка – не знаю, почему именно. С нами вообще тяжело. Ни разговоришь нас, ни раскачаешь, на эмоции не выведешь. Самой от себя тошнит, как подумано, что за амёба!

А ты не показывал вида, что тебе с нами сложно. Повёл куда-то в ближайший сквер, рассказывая по дороге истории в стиле: кто живёт в этом доме, куда вы планировали поехать

и почему не вышло, про школу и случай на химии, как вы с соседом по парте чуть не взорвали всю школу...

– О, а это моя любимая порода собак, – прерывая самого себя и глядя на лохматого грязного пёсика, заявил ты. – Двор-терьер. Ну иди сюда, ушастый.

И мы пошли на колонку отмывать эту псину (эту обязанность взял на себя, конечно же, ты). Потом мы караулили эту собаку у магазина, пока ты бегал покупать ей сосиски и хлеб. Развлекали как могли, чтобы она не сбежала.

А мама всегда нас учила, чтобы мы не подходили к чужим собакам и кошкам, мол, могут поцарапать и покусать. Оказывается, учила неправильно? Вон ты как ловко с ней управлялся, и никто ведь не пострадал.

Мы так увлеклись этим делом, что в какой-то момент я потеряла из вида своего брата Сашку. В ужасе огляделась, не представляя теперь, где буду искать его, зато отлично представляя, как мне попадёт.

– Ты чего? – не укрылся от твоего внимательного взгляда мой перепуганный взгляд.

– Сашка пропал.

– Да вон он, – засмеялся ты, кивая в сторону детской площадки за магазином сзади меня. Брат помахал нам рукой и подбежал, словно догадавшись, что о нём идёт речь.

– Смотри, какой у меня бумеранг!

– Угу, красивый, – всё ещё пытаюсь прийти в себя после шока, пробормотала я. – Откуда он у тебя?

– Вот он подарил, – тыкая в тебя пальцем, заявил Сашка.

«Он» степенно поклонился под моим взглядом, а затем как ни в чём ни бывало сказал:

– Ну что, пошли дальше? Пёс, пойдёшь с нами?

– А нас родители искать не будут? – всё ещё помня об осторожности, спросила я.

– Если что, позвонят на мобильный, – сообщил ты, демонстрируя мне чудо техники. Мне такой обещали подарить только на день рождения, а до него ещё – ого-го... А свой старый раздолбанный аппарат, доставшийся мне по наследству от мамы, я предпочла не демонстрировать.

Однако далеко уйти нам всё же не удалось. То ли ты так любишь приключения, что притягиваешь их к себе, то ли они к тебе равнодушны. Но, едва мы ступили на территорию засаженного берёзами сквера, нам навстречу попала компания не слишком доброжелательных парней и двух девушек. Всего их было четверо, и их взгляды и смех уже говорили о том, что им позволено всё.

– О, привет, чика! Пойдём с нами? – похохатывая и демонстрируя кривые зубы, бросил один из парней.

Меня внутри передёрнуло, и я отвела глаза. Неприятно.

– Э, крошка, – парень, похоже, понял меня неправильно и неспеша, раскрыв руки, словно приглашая в свои объятия, направился в мою сторону.

– Иди куда шёл, – бросил ему ты, не останавливаясь и хватая меня за руку. О, Боже!

– А ты не суйся. Ещё не дорос с дядьками спорить, – заявил всё тот же тип, хотя на вид был ненамного уж старше нас.

Я схватила за руку Сашку, и мы ускорили шаг, едва за тобой поспевая.

– Что, щенок, струсил? – крикнул нам вслед тот же парень и противно расхохотался. – Девчонку свою защитить не можешь?

Ты резко остановился и обернулся, выпустил мою руку. Вот что значит ущемлённое эго. Девушки в компании спохватились, что вот-вот назреет драка, и потащили своих гогочущих дружков прочь.

– Вот урод! – бросил ты в сердцах. – Надо было съездить ему пару раз по роже.

– Не надо, Лёнь. Что с дураками связываться? Пойдём.

Глаза уже наполнились слезами: то ли от страха, то ли от нежности, которая переполняла в тот момент моё сердце. Или, может, от благодарности, ведь никто никогда меня не защищал. А разве не об этом мечтает каждая девушка? Не конкретно о том, чтобы её защитил Леонид Краснопольский... Или, да, может быть, конкретно о том, чтобы её защитил Леонид Краснопольский.

Вот, Лёничка, тебе даже с фамилией чрезмерно повезло. А я – Иванова. Ни дать, ни взять среднестатистическая девчонка, коих в России миллион.

– Ладно, – смягчился ты, глядя перед собой рассерженным взглядом. А потом посмотрел на меня и улыбнулся. Простой как картошка. И, может быть, если бы не Сашка, маячивший неподалёку, мы бы даже поцеловались... Момент был весьма располагающий к этому.

Ах, сколько раз я мечтала о поцелуе с тобой! Ни с кем иным, только с тобой. Точно знала, что это будет гораздо лучше, чем я могу даже представить, но... Увы, мечты так и остались мечтами, а я в свои шестнадцать лет по-прежнему остаюсь верной тебе и нецелованной. Да и может ли кто-нибудь дотянуться до идеала? Ты поставил слишком высокую планку всем окружавшим меня парням.

– Испугалась? – заботливо спросил ты.

– Нет, – помотала я головой. – С тобой ничего не страшно.

Соврала, конечно, немножко, но твоя улыбка с ямочками того стоила.

Потом мы вернулись домой, потому что нас стали разыскивать мамы. Пришла пора собираться домой. Мы как-то скомкано попрощались, ты снова взял у меня номер телефона, а я снова лежала полночи без сна, вспоминая, фантазируя, анализируя...

Знаешь, к одиночеству можно привыкнуть. Но как только ты его нарушаешь, привыкать приходится заново. С самого начала.

Приоткрыв глаза утром, первым, что я заметила, был бойкий луч солнца, пробивающийся в комнату сквозь занавески. Он остановился на одеяле недалеко от моего лица, и я накрыла его рукой. Поймала! В детстве я любила ловить солнечных зайчиков. Не таких, а искусственных, создаваемых с помощью зеркала. Только детство незаметно растаяло, осталось где-то позади, и теперь вместо солнечных зайчиков я ловлю взгляды и улыбки парня, в которого влюблена. Он такой же светлый, позитивный и почти неуловимый как этот солнечный зайчик. И так же равнодушен ко мне.

Или уже нет?

Я лениво поднялась с кровати и тут же рухнула обратно. Не хочу вставать! Не хочу возвращаться в реальность и видеть твоё отсутствие. Только во сне я могу быть с тобой. Неужели этого не изменить?

С самого утра и до поздней ночи я, как и несколько лет назад, ждала от тебя хоть какой-нибудь весточки: звонка или сообщения. Но напрасно. Ты так и не позвонил. И не написал. И на следующий день тоже. Ни-че-го...

И снова мне хотелось исцелиться от этой любви, больше похожей на болезнь. Но этот дурацкий бумеранг, который ты успел подарил Сашке и который вечно теперь попадался мне на глаза, и этот фотоальбом с нашими фотками, который я всё никак не могла перепрятать подальше, ранили меня ещё глубже.

Что ж это за любовь такая? Только подумаю: выбралась – и снова одной ногой под лёд. Ненавижу это чувство. Ненавижу любовь.

Письмо пятое

На уроке литературы нам задали сочинение на тему: «Что для меня значит мечта, и о чём я мечтаю». Неужели учителя и создатели всех этих тем и программ всерьёз рассчитывают, что мы настолько глупы в десятом классе, что выложим всё сокровенное им в сочинении? Естественно, все писали о каких-то высоко-философских и общих для всех мечтах: «Хочу поступить в МГУ», «Мечтаю играть в театре», «Хочу посетить много стран», «Желаю, чтобы был мир во всём мире»... А ведь, на самом деле, мечты у всех абсолютно разные и индивидуальные. Моя, к примеру, это не абстрактное состояние или какое-то достижение, а одно конкретное мальчишеское имя. Но если я напишу об этом, на меня, во-первых, косо посмотрят и начнут обсуждать за спиной и в лицо – кому на что хватит наглости, а во-вторых, не поймут: какая же это мечта? И, в конечном итоге, поставят тройку. А такое совершенство как Лёня тройки недостоин, да и вообще, это только моё, и я не хочу им ни с кем делиться. Вот и пришлось писать про Париж и стремление найти правильный путь и верных друзей. Ну а что, я ведь даже не соврала, этого мне тоже хочется.

Подружка Оля, с которой мы сидим вместе с пятого класса, с тех самых пор, как нас перестали насильно рассаживать парами «девочка-мальчик», смеялась над тем, как мы похожи, а потом неожиданно перескочила на новую тему – крайне болезненную для меня. Даже несмотря на то, что мы дружим, я никогда не говорила ей о тебе. Но чем старше мы становились, чем чаще она допытывалась о моих пристрастиях.

– Лиз, а тебе кто-нибудь нравится?

– Да, – не стала лукавить я.

– Из нашего класса?

– Нет.

– Ну а из нашей хоть школы?

– Нет.

– Ух ты, а как вы с ним познакомились? Вы встречаетесь?

– Нет, мы не встречаемся. А познакомились уже давно, – неохотно поведала я, надеясь, что этим ответом Оля и ограничится. Не тут-то было.

– А как его зовут?

Ну зачем, зачем ей знать твоё имя, если я ясно дала понять, что вы не знакомы! Что ты не из круга общих знакомых, что ты – моя сокровенная тайна.

– Не скажу, – пробормотала я, хотя и не хотела её обижать.

Но Оля не из таких.

– Ну хотя бы на какую букву имя начинается?

– На все.

– Как? А, Б, В, Г, Д, Е...?

– Да. АБВГД-йка!

Вот так и повелось. Отныне я звала тебя именно так, хотя никто и не знал, кто ты, мой милый АБВГД-йка. Оля моей скрытности не понимала и первое время всё же немного пообиделась, мол, мы же подруги, может быть, я бы тебе помогла. Но чем тут поможешь? Сама подружка влюблялась и разочаровывалась со скоростью космического ветра. Я едва успевала запоминать её «безответных любовей», а потом у этих парней либо обнаруживались подружки, либо сами они вели себя недостойно, так что падали в глазах Оли, круша заодно её мечту.

– Ну что за жизнь пошла, а? Ни одного достойного кандидата! Надеюсь, хоть в институте найдётся хороший.

Что в её понимании значит «хороший», для меня так и осталось загадкой. Описания её были весьма расплывчаты: «умный, добрый, не жадный». А для меня был лишь ты, и ни умных, ни добрых мне было не надо.

Мне иногда кажется, что я буду любить тебя всю свою жизнь. Всю жизнь... Господи, как долго. И как безнадежно. И у тебя будет своя семья, свои дети. А могли бы быть наши!

Не могу больше думать об этом!

В какой-то момент мне начинает казаться, что я тебя разлюбила. Я стала реже тебя вспоминать, почти перестала мечтать о нас перед сном. Но, стоит случайно увидеть тебя или узнать о тебе хоть что-нибудь через маму, становится ясно: не разлюбила.

И вот – вчера. Обычный серый осенний день, когда лето уже окончательно позабылось, а зима всё никак не наступит, и кругом слякоть, серость, унынье. Обычное утро, когда я с огромным нежеланием скатилась с кровати и отправилась в школу, отсчитывая время до конца шестого урока. Привычная дорога домой. Только я не пошла туда сразу, а проехала две остановки и отправилась в книжный, чтобы как-то поддержать свой настрой и иммунитет. Что может быть лучше хорошей книги?

Я из тех, кто может часами бродить среди книжных полок, рассматривая, ощупывая, вдыхая особый книжный запах в поисках того самого экземпляра. Провела я там около часа, пока наконец смогла определиться с выбором – взяла себе книгу с душещипательным сюжетом, бестселлер среди молодёжи.

И, надо же такому произойти: я пробыла там именно столько времени – ни минутой больше, ни минутой меньше – и встретила тебя.

Это был тот самый случай, который я вымаливала у судьбы долгие годы. Мы наконец-то встретились! И заметила я тебя совершенно случайно. Но доли секунды хватило на то, чтобы сердце тебя узнало и совершило какой-то невероятный марафон под названием «пробей грудную клетку».

Я шла по другой стороне улицы, разглядывала прохожих, и вдруг заметила очень знакомые черты. Или почувствовала? Неважно. Я прямо застыла на месте. А потом поняла, что выгляжу словно дура, и отошла подальше, на безопасное расстояние, с которого могла бы наблюдать за объектом.

Я не могла поверить, что вижу тебя! После всех этих лет я наконец-то встретила тебя в нашем городе – все случайности совпали, все паззлы сложились. И я узнала тебя. Я сразу же узнала тебя! У тебя был такой классный вид: синие джинсы, распахнутое пальто, под ним рубашка.

Пока я думала, подойти или нет, ты постоял немного на остановке через дорогу и уехал на пятой маршрутке, так что мне оставалось лишь кусать локти и ругать себя за нерешительность.

Я шла домой, и вместо только что жившей во мне эйфории ощущала полный разлад. У тебя своя жизнь, а я так и буду в ней тенью, зрителем с галёрки.

И кто виноват? Что мешало мне подойти? Чего я, дурёха, испугалась и спряталась?

Сердце невыносимо саднило, слёзы подкатывали к глазам, но я упрямо держала нос кверху, и позволила себе выплакаться, только когда вернулась домой.

И кто придумал любовь? Нет, ладно: кто придумал безответную любовь? Есть хотя бы один человек на свете, не переболевший ей? Или, не зная о такой боли, не будешь ценить настоящие взаимные чувства, когда они будут?

Хотя меня больше удивляет именно это: как возникает взаимное чувство привязанности друг к другу. Как из сотен тысяч людей, красивых и не очень, добрых и сердитых, стеснительных и смелых, мы вдруг влюбляемся в того самого – одного, с которым так хорошо, и он отвечает взаимностью. Ведь по статистике Катя должна любить Васю, а Вася – Машу, а Маша –

Лёшу, и так до бесконечности. В мире семь миллиардов людей! Но вот находятся двое, которые видят друг в друге нечто особенное, и в них загорается чувство – любовь. Как это случается? Жаль, что с нами не случилось.

Письмо шестое

Завтра у тебя день рождения.

Я знаю, что буду думать об этом весь день – это всё, что мне остаётся – и представлять, что было бы, если бы ты меня пригласил. Ты ведь наверняка будешь шумно праздновать своё совершеннолетие. Девчонки – твои подружки, – наверное, придут крутые, накрашенные, в модной одежде, и выглядят уже вполне взросло. На их фоне я точно смотрелась бы белой вороной. Как бы себя вела? Дай-ка подумаю.

Наверное, постаралась бы подружиться с ними. Они ведь твои друзья, значит, знают о тебе больше, чем я, и чем-то заслужили твоё доверие. Ведь, когда влюблён, – только не смейся, – и кружка, к которой прикасался любимый человек, самая лучшая, и книга, которую читал, самая увлекательная, а уж о друзьях и говорить нечего! Я бы хотела на них посмотреть. Интересно, кого придёт больше, девчонок или парней? Насколько я знаю, ты одинаково хорошо ладишь и с теми, и с другими.

Конечно же, ты успеешь уделить время каждому. А я? Ты хоть вспомнишь обо мне? Вспоминаешь когда-нибудь?

На прошлый твой день рождения, по словам тёти Светы, девчонки заявили к тебе в гости прямо с утра и без приглашения – перед школой. Вручили торт, одарили подарками и поцелуями, оставив после себя терпкий шлейф духов и разноцветные кружочки конфетти на полу. Наверное, тебе было очень приятно... Кому не приятно внимание?

На днях я видела тебя, и это было не во сне.

Я была не одна. Мы с подругами ходили в караоке-клуб, и я с удовольствием окунулась в новое для себя приключение.

Стоит признаться, это был тот редкий день, когда я практически не вспоминала о тебе. Какой смысл вспоминать о том, кого видишь всего несколько раз в году? Я уже устала надеяться на кардинальную смену исхода событий. И ты тут же решил восстановить привычное равновесие, вновь вмешавшись в мою жизнь.

Не знаю, сколько времени я просидела, не замечая вашу компанию, но пришли вы, однозначно, раньше. Всего один беглый взгляд в сторону крайнего столика, и у меня захватило дыхание. Ты сидел впереди, в компании друзей и подружек. Вас было шестеро: две девушки и четыре парня. Вы смеялись, что-то выпивали. Я всё ждала, когда ты поднимешься и решишь спеть. Так и не дождалась.

Весь вечер я наблюдала за тобой, удобно устроившись в полумраке помещения и стараясь сделать так, чтобы мои упрямые взгляды в сторону вашего столика не были перехвачены кем-нибудь из подруг. Я даже пела вместе с одной из своих одноклассниц, надеясь, что ты обратишь на меня внимание, но бесполезно. Ты был увлечён теми, другими, и так и не узнал, что всё это время я была рядом.

Я была рядом!!!

Я так ждала этой встречи, где будем мы, только уже повзрослевшие, случайно встретившиеся в череде будних дней. Я чувствовала, что эта случайная встреча – уже второй раз! – отнюдь не случайна. Что это наш шанс. И теперь я не пряталась. Я хотела, чтоб ты меня видел! А ты не видел.

Я столько надежд возлагала на эту встречу! Мечтала, что ты вдруг согласишься на меня другими глазами. Но это было невозможно, так как твои глаза на протяжении всего вечера были устремлены в другую сторону.

Я пыталась понять, нравится ли тебе кто-нибудь из присутствующих девчонок, но определила лишь одну явно выраженную парочку в вашем кругу. Распознать большего мне не удалось.

Ты ушёл, так и не узнав, что я была здесь, в том же клубе. И пела для тебя. А ты так и не удосужился бросить на меня хотя бы один беглый взгляд, узнать, улыбнуться, выделить из толпы. Не-е-ет... Это всё чепуха, детство, от которого мы с каждым днём отдаляемся дальше и дальше.

И, знаешь, мне даже не больно. Просто иногда, – уже сбилась со счёту, в который раз, – хочется просто лечь и забыться. Вычеркнуть эту любовь из своей души, из своего сердца.

Вот бы мне предложили две волшебные таблетки: любить тебя вечно или забыть навсегда. Красную и синюю. И что? Я бы не стала раздумывать ни секунды. Я выбрала бы вечность с тобой, потому что ты – лучшее в моей жизни. И пусть ты никогда не узнаешь об этом, не прочтешь моих глупых писем, я всё равно счастлива, что ты есть в моей жизни. Каждый день.

Письмо седьмое

Я часто сижу на балконе, включив какую-нибудь грустную песню о любви и поставив её на репит, смотрю на тоскующее серое небо, совсем не такое радостное и прекрасное, как твои тёплые медовые глаза, и думаю о том, где ты сейчас. Может быть, сидишь дома за компьютером? Или читаешь книжку, увлечённо перелистывая страницы? Или заскочил в ближайший магазин, чтобы укрыться от непогоды? А может быть, так же смотришь сейчас в окно? И о чём, интересно, думаешь? Уж точно не обо мне. После этого всегда следует грустная усмешка, за которой я отчаянно пытаюсь скрыть непрекращающиеся потоки слёз. Они частенько преследуют меня, когда я начинаю думать о тебе. Вот в чём вся соль безответной любви. Ведь когда ты в кого-то влюблён, только и делаешь, что мечтаешь о том, что мог бы сказать при встрече, как проходили бы вечера, если бы вы были вместе. Но жизнь не знает сослагательных наклонений, поэтому всё, что мне остаётся, раз уж нет сил предпринять хоть что-нибудь – это мечты.

Жизнь за окном меняется с нереальной скоростью. Яркое солнце и зелёные шапки деревьев сменили золотые дорожки листопада, пронизывающий ветер и мокрый дождь напомнили о том, что скоро придёт зима. И я замечаю, что чем старше мы становимся, тем реже видимся. Наши мамы, увлечённые потоком нескончаемых дел и серых будней, если и встречаются, то чаще вдвоём, не обременяя себя излишней заботой о детях. Выигрывают от этого, пожалуй, все, кроме меня, почти потерявшей свой последний шанс хотя бы ещё один раз увидеть того, с чьим именем и образом я почти не расстаюсь. По всем законам психологии я должна тебя разлюбить – столько лет уже прошло...

Много чего прошло, только не мои чувства. Новый год, Восьмое марта, день рождения, уроки, контрольные, каникулы – вот так и проходят мои дни. Это очень скучно, но в суете будних дней я почти не замечаю этого. Это как фон. А на остальные шестьдесят процентов я живу своей внутренней жизнью, придуманной, может быть, глупой, но куда более интересной.

Каждый вечер с тобой сохранён в моей памяти, да ещё в письмах – по мелочам, о наболевшем. Но жить как-то надо, вот я и живу.

И всё же наша следующая встреча состоялась. Весьма спонтанно, почти через год, но это было настоящее событие для меня!

– Мы завтра идём к тёте Свете и Лёне, – как всегда неожиданно объявила мама, вернувшись с работы.

Я едва не подпрыгнула на месте. К Лёне! Завтра! Не может быть! Я даже боялась представить, каким ты стал.

– У тебя завтра сколько уроков? – прокричала мне мама из кухни. – Ты к четырём-то успеешь?

– Успею-успею, – воодушевленно заверила я, собирая рюкзак и забрасывая в него помаду – на всякий случай. Когда дело касается моего Лёни, я и прогулять готова, если понадобится.

Весь день я думала только об этой встрече. Представь себе, Лёня: вхожу я в автобус, все пассажиры как пассажиры, со скучающими лицами, с морщинками от забот, а у меня в груди такое сокровище, что счастливее меня никого нет на свете! Но это тайна, и пассажиры знать этого не могут, а потому не замечают моего довольного выражения лица. А мне так хочется об этом сообщить: «Эх вы, люди! Остановитесь, прислушайтесь – как прекрасно жить! У вас всё заботы, дела, бесконечная беготня, а я сегодня с таким парнем встречаюсь!»

По всем законам любви я уже должна была от тебя отвыкнуть, влюбиться в кого-то ещё – того, кто ближе и доступнее. Но я люблю тебя. Ты стал для меня своеобразным маяком, светом, к которому хотелось тянуться, ради которого хотелось стать лучше.

Конечно, я обращала внимание и на других парней. В нашей школе встречались симпатичные ребята, которые были кем-то вроде «местных Лёнь». Но, в конечном итоге, через месяц или два такое увлечение сводилось к неизбежному финалу – быть влюблённой в них оказывалось неинтересно. В конце концов мой вывод всегда был одним и тем же: парня лучше тебя я так и не встретила. Слишком уж высокую планку ты им поставил.

Да, жить как-то надо было, и я старалась избавиться от этого чувства, надеясь, что так будет легче. Но легче – совсем не значит лучше...

Встреча с тобой была долгожданной, но далась мне непросто.

Сначала всё шло по стандартному сценарию. Ты, после недолгих уговоров, сыграл на гитаре и спел, мамы вспоминали наше детство, кот Макс сидел на кухне и не показывался.

Я краем глаза скользила по твоим тёмно-синим брюкам, бежевому свитеру, взъерошенным русым волосам и, подавляя вздох, отводила глаза. Ни один парень с тобой не сравнится, это я понимала. Только что мне делать с этим пониманием? Жить (а точнее, существовать), наблюдая за твоей интересной жизнью? Нужно проживать свою жизнь, делать её интересной и насыщенной на события, перестать быть застывшей тенью, закопаться делами, чтобы и думать о чём-то другом было некогда.

Хорошо рассуждать, а вот как претворить эти планы в реальность и вычеркнуть тебя из своих мыслей, памяти, сердца? Притвориться, что тебя нет? Но ты есть! И ты даже лучше, чем прежде – вот же, рядом.

– А я помню, как Лёнька бежит ко мне и кричит такой радостный: «Мам, я в Лизу либинкой кинул!». Мы думали, Лиза щас прибежит вся в слезах, стали отчитывать Лёню, а она отряхнулась от рябинки и идёт как ни в чём не бывало, – со смехом делилась воспоминаниями тётя Света.

Обычно ведь я так и делала – жаловалась на тебя.

Мы тоже смеялись, поглядывая друг на друга. Оба совершенно не помнили того дня, но всё равно было весело.

А когда разговор зашёл о мужьях, моя мама выдала:

– Я вот говорю своей Лизе, чтоб поменьше ростом жениха искала. А то сама высокая, а если и муж таким будет – это ж какие дети получатся!

– Всё, Лёнь, – махнула рукой тётя Света. – Тут тебе ничего не светит.

– Ма, остынь. Ты перепила, – хмыкнул ты.

Все засмеялись, а вот мне почему-то было совсем не смешно.

Ты не воспринимаешь такую перспективу даже как вероятность? Я умру, если у меня отберут хотя бы тень надежды.

Под конец дня ты ещё больше подлил масла в огонь. Спросил (как бы между дел, с почти равнодушным видом), есть ли у меня кто-то. Парень.

Я скромно ответила: «Нет» – и опустила глаза. А вдруг... вдруг ты предложишь сейчас мне встречаться?

– Не грусти. Ты просто не нашла ещё человека, который тебе нужен, – с видом знатока сказал мне самый нужный человек, опять разрушая грёзы.

Мы смотрели твои фотографии из Италии, куда ты ездил самостоятельно (в семнадцать лет!) на какой-то там музыкальный конкурс. Призовое место не занял, зато привёз приз зрительских симпатий (кто б сомневался!) – статуэтку в виде необычно закрученного, но вполне узнаваемого скрипичного ключа.

Оказывается, к тебе и там какая-то саранча длинноногая прицепилась. Вьетнамка что ли... Ну не могу я вежливо выражаться о тех, кто предъявляет права на моего Лёню! Ревную, наверное, хотя не имею на это права. Кто я такая? Подруга? Разве подруги должны ревновать? Они должны радоваться, наверное...

А ещё я узнала, что в этом полугодии у тебя вышла тройка по алгебре. Ты сам рассказал.

– Я просто не понимаю, зачем нужно делать что-то в тридцать два действия, когда всё можно сделать в два действия! А он (учитель), вместо того, чтобы объяснить, в чём я не прав – ответ-то сошёлся: «Садись, Краснопольский, два». Да пожалуйста!

Я ненавидела математику, поэтому вполне тебя понимала и улыбалась в ответ, пока ты продолжал увлечённо говорить на ту же тему.

Рядом с тобой я готова была слушать про что угодно: хоть про адронный коллайдер, хоть про эксцентрику русской литературы.

Мамы тем временем делились опытом. Наша с Сашей, например, рассказывала, как мы ей помогаем. На что тётка Света мгновенно отреагировала:

– Вот видишь, Лёнь, Лиза и убирает дома, и картошку чистит...

– Ну так она девчонка.

– Да-а-а, Лёнь, а ты у меня ничего не умеешь. Поэтому жена тебе нужна хозяйственная, чтоб, как говорится, и коня на скаку остановит...

– Что-то я слабо представляю, как Надя коня на скаку останавливает, – выдал вдруг ты, и у меня внутри всё оборвалось.

Надя... Кто это? Это же не...

Я пыталась убедить себя, что это просто какая-то твоя очередная знакомая, но внутри себя прекрасно знала ответ на вопрос.

– А картошку чистит? – не замечая моего смутения, продолжала выпрашивать тётка Света.

– Ну это да.

– Готовит-то хоть нормально?

– Видишь, пока не отравился.

Она тебя ещё и кормит! Приплыли... Может, вы уже и живёте вместе время от времени?

Я старательно делала вид, что всё в порядке, но это нельзя было назвать даже подобием внутреннего спокойствия. Мне хотелось умереть. Исчезнуть с поверхности земли в тот же миг и больше никогда, никогда не слышать об этой Наде. И о тебе. И о любви. Господи, ну почему? Я так резко опустилась с небес на землю. Именно в тот момент, когда меньше всего этого ожидала. Только что *Я* была *С НИМ*, а оказалось, что с ним уже другая.

Мне было так больно.

Но кто кроме меня самой виноват в том, что больно? Ведь это я всё придумала. Никто не обещал, что мечты воплотятся в реальность, что выдуманная сказка окончится хэппи-эндом. И это могло бы случиться гораздо раньше, ведь ты такой видный парень, а встречаться начал только в семнадцать лет. Или я просто не знаю о предыдущих твоих отношениях?

Сколько бы не существовала жизнь на земле, мы, девушки, всегда верим в чудеса и ждём красивой любви – такой, чтобы была, как в сказке про Золушку. Чтобы принц, на которого обращают внимания все в округе, выбрал именно тебя – неприметную на первый взгляд девчонку, но на самом деле достойную такого шикарного кавалера. Чего уж таить, я всегда ассоциировала себя именно с этой книжной героиней. Только где моя фея-крёстная и хрустальные туфельки, которые помогут мечте воплотиться? Похоже, я опоздала, и принц уже успел увлечься другой.

Видимо, не про меня эта сказка.

Вернувшись домой, я устроила голову на подоконнике, смотрела на расплывающиеся от слёз серебряные точки-звёзды и жалела себя и свою неосуществимую мечту.

«Всё правильно. Это должно было случиться. Так тому и быть», – твердила я, но разве правильный разум может переспорить непокорное сердце?

Я хотела бы сказать тебе всё, что думаю, но могу осмелиться лишь на глупые письма, пылящиеся потом на полке в шкафу. Возможно, потом я порву их все, и мелкие кусочки развею с балкона как прах остывшей любви. И буду радоваться, что это чувство осталось в про-

шлом. Возможно, сохраню и время от времени буду перечитывать снова. Но я точно никогда не покажу их тебе.

Может быть, мораль книжки про Золушку в том, чтобы не цепляться за чужого принца? И если мала тебе туфелька, если она не подходит – отступись, не мучайся, не натирай себе ноги. Но так красивы хрустальные каблучки из рук самого прекрасного Принца...

Безысходность – вот как называется моё состояние во всём, что касается нас с тобой. Безысходность...

Письмо восьмое

Осень в этом году удивительно щедра на яркие краски. Интересно, замечаешь ли ты это? Возможно и нет: всё на бегу, из маршрутки в троллейбус, успеть к первой паре, обратно в маршрутку, не забыть заскочить в магазин. У меня и самой такой график, что оглянуться некогда. Даже думать о тебе, кажется, реже стала. И не снишься совсем.

Это теперь я сильная, а раньше... Интересно, как бы теперь я отреагировала на новость о том, что ты встречаешься с некой Надей? Наверное, так же, как и тогда. Значит, никакая я не сильная? Значит, по-прежнему люблю, просто пытаюсь задавить в себе это чувство делами, повседневными хлопотами, языковыми курсами. Ты и без знания языка побывал в Париже, а я пока могу осуществить свою мечту номер два только так. Мечтой номер один по-прежнему остаёшься ты.

Эта твоя Надя – она не то чтобы красotka, и не то чтобы очень умная. Я-то знаю, я слежу за ней в соцсети. Просто ей уже двадцать, просто она умеет зайти и заставить всех смотреть только на себя, просто мама не спрашивает её, сдала ли она вовремя курсовую. И, наконец, главный удар: она с тобой разговаривает. Каждый день может звонить, может баловать тебя всякими вкусностями и бывать в гостях так часто, как вздумается. Может кормить тебя картофельным пюре собственного приготовления, получать от тебя подарки и задавать абсолютно любые вопросы. А ещё она может тебя целовать...

Стоп, слёзы! Хватит!

А я? Я лишь слежу за вашими отношениями по фотографиям.

Скоро год... А вдруг ты решишь на ней жениться? Переживу ли я это? Сейчас точно нет. Может, когда-нибудь...

И какой у меня выход? Только один: вживаться по мере сил в «с тобой хорошо, без тебя неплохо» или даже: «без тебя ещё лучше!» Если это сработает – перемена ветра судьбы мне обеспечена.

Правда, я так привыкла жить с мыслями о тебе, что, кажется, когда их не станет – внутри окажется пустота.

Я вообще, знаешь, уже не грущу о тебе. Я вообще послала тебя... к Наде!

Оказалось, что она училась вместе с тобой в школе, так мне сказала мама, которая, в свою очередь, узнала это от тёти Светы. К счастью, у меня была возможность насытиться своим горем по самое «не хочу»: одинокие ночи в приглушённом свете ночника, под пледом, с плеером и жалостью к себе. Мне казалось, что моя жизнь – абсолютно никчёмная. Что в восемнадцать лет я ничего не добилась, и годы уходят, бегут, а я на месте.

К счастью, родители выдвинули идею съездить в красивейшую усадьбу писателя Ивана Сергеевича Тургенева Спасское-Лутовиново, что находится в паре часов езды от нашего города. Всё, что мне было нужно – куда-нибудь вырваться из этого города, хоть на мгновение перестать дышать одним с тобой воздухом. И я смотрела в окно автомобиля на пролетающие мимо желтовато-красные деревья, покосившиеся деревенские домики, на бесконечную вереницу фонарных столбов, пролетающие навстречу автомобили, и слушала песни на полную громкость – то разухабисто-свободолюбивые, полные стремления жить и радоваться каждому дню, то жутко тоскливые, от которых хотелось открыть на ходу дверь машины и... И никогда бы ничего подобного я не сделала. Слишком люблю жизнь и тех, кто любит меня.

Знаешь, эта поездка неожиданно вернула меня в себя, восстановила истраченный запас жизненных сил.

В Спасском было необычайно красиво. Такие благодатные места, пропитанные духом ушедших столетий, видевшие множество судеб. Я брела по тропинкам и мостикам вслед

за родителями, а вроде как и одна. Никто не мешал мне думать. Никто не мешал грустить. Жаль, что тебя со мной не было. Был ли ты в Спасском? Здесь так красиво!

Представь, мы бродили бы по усыпанным осенними листьями дорожкам, вдыхали свежий и упоительный воздух, от которого удивительно легко клонит в сон. Я представляла, что ты со мной. Что я держу тебя под руку, и ты говоришь мне о том, как же нам повезло с погодой, несмотря на середину октября. А я бы молчала и жмурилась от счастья, потому что когда ты рядом, я счастлива безо всяких причин, просто так.

Наверное, если бы мы жили несколько веков назад, ты бы был дворянином или помещиком, а я – твоей верной супругой. Или страдала бы по тебе так же, как Татьяна по своему Онегину. Жаль, что людям во все века известно то чувство, что называется безответной любовью. Именно поэтому я сижу сейчас на лавочке у пруда в гордом одиночестве и пишу тебе это письмо. А ведь хотела уехать подальше, чтобы забыться. Хотя бы на сутки. Не получилось. Что бы я не делала – всё время думаю о тебе. А ты, наверное, сейчас со своей подружкой – с этой Надей. И вам хорошо там, где вы есть, и вы создаёте мир вокруг себя сами, не нуждаясь в смене обстановки и не подчиняясь внешним условиям.

Конечно, легко быть счастливой рядом с тобой. Да и какая девушка не влюбилась бы в Лёню Краснопольского – самого красивого парня из всех красивых парней?

Я помню, как в детстве – нам было тогда лет по четырнадцать – ты привёз подружке подарок из Доминиканы – пишашую и передвигавшуюся по полу мягкую игрушку, лохматого котёнка. И я смотрела на это чудо, слушала твой бесхитростный рассказ о той, кому ты собирался её подарить (вы познакомились в летнем лагере и продолжали дружить), и мечтала, чтобы и у меня от тебя было хоть что-нибудь...

Нет, Лёнька, всё-таки здесь так красиво, так ярко, что хочется верить в чудо. Не хочется думать о том, что и у любви однажды бывает осень, потом зима...

Ещё минута на ностальгию и меланхолию, а потом я снова улыбнусь, расправлю плечи, красивым жестом откину назад свои русые волосы и постараюсь забыть о тебе. Хотя бы ненадолго. Вот прямо сейчас.

Письмо девятое

Людам не дано знать своей судьбы. Не дано понять, почему происходят те или иные события, почему в конкретный момент жизни мы влюбляемся в человека, которого давным-давно знали и не обращали на него ровным счётом никакого внимания.

Благодаря тебе я стала лучше, я в этом уверена! Вот взять хотя бы моё стремление научиться играть на гитаре. Ведь оно появилось только благодаря тому, что однажды я увидела, как это делаешь ты.

А мама недавно сказала:

– Вот так он и сыграл свою роль в твоей жизни.

Неправда. Такие как ты не могут довольствоваться эпизодом, ведь правда? Но наше общение всё больше себя изживает. Между нами совсем ничего нет – и не было. Только пара детских воспоминаний.

Я вот недавно пыталась подсчитать, сколько времени мы провели вместе за всю свою жизнь, за целых восемнадцать лет. И получилось ужасающе мало – и двух полных суток не наберётся.

Я уже не плачу, когда тема разговора в нашей семье случайно касается «этого парня». Я выгляжу вполне счастливой и ощущаю себя практически так же. Вру, конечно, но если очень постараться, это может войти в привычку.

Депрессия, в которую я усиленно загоняла себя в последнее время, понемногу отступает – маленькими шажками. И это чувство во мне вовсе не из-за того, что я теперь знаю об этой Наде, которая кормит тебя картошкой. Просто за всё хорошее приходится платить. Просто ты дважды взял у меня номер телефона, а сам не перезвонил. И совсем не искал наших встреч. А ведь тот, кто влюблён, наверное, должен? И уж точно не должен встречаться с другой! Значит, я просто себя обманывала. И ничто, кроме наших мам, не держит нас рядом друг с другом.

Глупые надежды. Никчёмные иллюзии. Разбиваясь, они так ранят сердце...

Однажды мама начала вести пространные разговоры о любви, и я разочарованно вздохнула:

– Да где она эта любовь, мама? Вот мне уже почти девятнадцать лет, а я даже толком не знаю, что это такое! И есть ли она вообще.

– Будет ещё. Вот увидишь, придёт время.

И когда оно придёт?

Я смотрю на толстенный календарь на стене и думаю: всё там будет. Пока неведомые дни скоро предстанут во всей своей реальности, и будем трудиться, и рано вставать, поздно приходить, уставать, разочаровываться, смеяться и плакать, верить в чудо и ждать любви.

Завтра – первый день Нового года, и я очень хочу начать его с чистого листа. Это значит: без мыслей о Лёне, без ложных надежд и иллюзий. Воображаемый разрыв совсем не труден. Да и что можно потерять, когда всё, что нас связывало – это мои беспочвенные мечты о большой и светлой, той, что на всю жизнь? Я сохраню о тебе чудесные воспоминания и эти несмелые письма. И мысленно скажу тебе, подняв голову к небу: «Спасибо за всё. И прощай». Вдруг ты услышишь?..

Письмо десятое

Здравствуй, Лёня. Снова здравствуй.

Не думала, что когда-нибудь напишу это снова, но жизнь опять нас столкнула, причем весьма неожиданным способом – именно там, где я совсем не ожидала тебя увидеть.

И, да, я была не одна – с подругой, которая практически силой заставила меня принять участие в фотосессии, за что теперь я ей очень благодарна.

Прошло ведь уже столько времени с тех пор, как мы виделись в последний раз... Я думала, что это финал и ничего уже не может быть – даже тех редких встреч, которыми я перебывала время от времени прежде. Наши мамы по-прежнему дружат, но в нашей компании не нуждаются. А мы, хоть и учимся в одном универе, зато в разных корпусах – далеко друг от друга. Я поступила, как и хотела, на журфак, а ты – на юридический. Я долго мучилась, не зная, как поступить. Вернее, куда поступить. Последний учебный год стремительно подходил к концу, а я была в полном смятении и на всякий случай понабрала побольше предметов для сдачи ЕГЭ. Мне очень хотелось стать журналистом, но я боялась, что, если моё хобби прекратится в каждодневный труд, мне разонравится писать, что я потеряю своё вдохновение. И ещё, что на фоне других талантливых ребят я окажусь посредственностью. Я ведь и так не слишком высоко ценю своё творчество.

Родители мягко, но настойчиво подталкивали меня к мысли о том, что нужно получить «серьёзную» специальность, которая будет меня кормить и сможет поставить на ноги. А я не знала, что делать: слушать разум или сердце? И как поступить, чтобы потом не пожалеть об этом?

В конечном итоге склонилась к тому, чтобы подать документы на два факультета. На журфак прошла, на эконом – лишь на коммерцию, не хватило баллов. Посоветовавшись с родителями и положившись на волю судьбы (раз уж так вышло), пошла на журфак и быстро вошла в процесс. Особенно по вкусу мне пришлись творческие задания. Так что пока жалеть не приходится.

Со слов своей мамы, которая перезванивалась с тётей Светой, я и узнала, что ты учишься здесь же, но впервые увиделась с тобой только на втором курсе. Мы пересеклись в коридоре в главном корпусе и ограничились коротким «привет». Прошли мимо, словно чужие. И на этот раз эйфория длилась не долго. Меньше минуты. Мне было больно.

Да, мы учились в одном институте, но ближе друг к другу от этого так и не стали. Я наконец-то научилась умирять своё воображение и свыклась с мыслью, что я для тебя – всего лишь одна из десятков, если не сотен знакомых, но так и не научилась умирять сердцебиение при встрече с тобой. Секундное прикосновение взглядом – и все надежды оживали, как будто бы и не было никаких слёз и сердечной боли. Есть же такие неуёмные фантазёрки как я! Тяжело нам живётся, приходится каждый день мириться с реальностью, которая отличается от нашего мира на сто двадцать процентов. Или бороться – что мне не по вкусу. Я из тех, кто плывет по течению, не слишком много требуя взамен – лишь бы было комфортно.

Я по-прежнему мечтаю о любви. Не о компромиссе с обстоятельствами в виде захудалого однокурсника, для проформы обнимающего меня в обществе подруг, а о настоящем, глубоко чувстве. Раньше у этого чувства было вполне конкретное – твоё – лицо, но со временем я научилась абстрагироваться и даже стала обращать внимание на парней, ничем на тебя не похожих.

Вот только отношения ни с одним, увы, не сложились. Я почти уверена, что ребята меня побаиваются. Ещё бы, я ведь играю на гитаре, учу французский, пишу на заказ курсовые, учусь на отлично, такая вся правильная... А мне эта правильность уже надоела хуже горькой редьки!

Все вокруг уверены, что поводов для беспокойства нет, и что у меня ещё будут мальчики. Но мне почти двадцать один, а ничего не меняется.

Был, правда, один товарищ, который заметил меня ещё с первого курса. И я почти привыкла к его постоянному присутствию в моей жизни. Иногда в голове невольно проскальзывала мысль: «А может, стоит перестать питать иллюзии и ждать принца из книжки, и попробовать построить отношения с тем, кто рядом?» Но все эти мысли рассеивались, стоило мне только представить, что мы, например, целуемся. Ну не хочу я с кем-то быть без любви. Не хочу встречаться для галочки. Не хочу идти на уступки совести, а потом проклинать свою жизнь, свою слабость, свою ошибку. Не хочу и не буду. Уж лучше одной.

Незадолго до нашей встречи мне снился сон. Раньше я часто видела сны про тебя, и потом каждый раз с удовольствием вспоминала их, прижимаясь щекой к ещё тёплой подушке, словно стараясь удержать желанное видение. Потом, когда я пыталась тебя разлюбить, эти сны стали пыткой. А потом и они прекратились.

Но в этот раз я ощутила что-то, напоминавшее ностальгию. Во сне ты звонил мне – нашёл случайно мой номер, который брал аж два раза. Я ведь его с тех пор не меняла, надеясь на чудо. Ты пригласил меня на дружескую встречу, и я согласилась. Такой шанс выпадает нечасто, а в моём случае и вовсе только во сне.

Дальше – классика жанра: я принялась метаться по комнате, словно ужаленная, красить глаза, губы. Мы гуляли по парку, и ты бережно держал меня за руку. Я даже помню, во что ты был одет: светло-голубая футболка и тёмные джинсы. Видела, как смотрели на нас девчонки, бредущие навстречу – так, будто увидели парочку голливудских звёзд, небрежно прогуливающих в маленьком провинциальном городке. И мне нравилось, что нас принимают за влюблённых. А потом ты шепнул, что меня ждёт сюрприз. Я даже во сне чувствовала, как бешено заколотилось моё сердце! Что за сюрприз? Мне достаточно и того, что мы вместе, рядом.

– Пойдём со мной, – сказал ты, переходя на бег, и я едва за тобой поспевала...

А потом проснулась. Ну почему именно в этот момент? Почему все самые замечательные сны обычно приходят под утро? Может быть, ты хотел меня поцеловать. Или подарить что-то на память. Или показать.

Свесив ноги с кровати, я медленно приоткрыла глаза. Сначала один, потом второй. Такая эпопея происходит со мной каждое утро. Мне всегда не хватает пару минут, чтобы выспаться. Ну или пару часов...

Яркий свет заставил зажмуриться, и я наощупь побрела в ванную, продолжая размышлять о герое из своего сна.

Первой парой стояла лекция, и она была очень скучной.

Я сидела на паре, смотрела в окно и думала о том, насколько интересно было бы учиться, если бы в нашей группе или потоке был бы хоть один симпатичный парень. Есть парочка «ничего таких», но на приятной визуальной оболочке всё и заканчивается, и при ближайшем рассмотрении манеры, привычки, характер делают человека отталкивающим. Не так скоро, конечно. Некоторые пороки удаётся скрывать весьма долгое время. Поэтому девчонки на них и вешаются: «Симпатичный!» – как будто рефлекс какой-то срабатывает: «Если меня с ним увидят – обзавидуются». Но люди позавидуют и забудут, а тебе с этим парнем жить дальше, бок о бок, терпеть и смиряться. Да я вообще не понимаю тех, кто делает что-то специально, на зависть другим. Ложная цель, да ещё и нарочное притягивание к себе негативной энергии. А ведь счастье – не внешнее, а внутреннее чувство. Чем больше выставляешь его на показ, тем меньше оно стоит.

На этом мои философские мысли были прерваны Таней – той самой подружкой, благодаря которой я с тобой встретилась снова. Надо сказать, что таких боевых девчонок я всегда побаивалась и осторожно обходила стороной. Но Таня сама изъявила желание со мной общаться и на первых же лекциях мы оказались за одной партой. Так как с одноклассниками

я практически не общалась – у каждого из нас теперь была своя жизнь, – то Таня вполне компенсировала мне настоящего друга, наставника, совесть, смелость и подушку для слёз. Если бы не она, я бы жила как принцесса из башни, только её заточили туда насильно, а я не хочу никуда вылезать добровольно. Разве что в институт, ну и в кино изредка.

– Лизка, есть предложение на миллион!

– У меня таких денег нет, – вяло ответила я, косясь на диктующего лекцию препода.

– Денег и не нужно. Завтра идём на фотосессию.

– Чего?

– Того, балда. Фотки тебе крутые нужны или нет?

– Зачем?

– Да мало ли зачем? На аватарку поставишь!

– И что, прям бесплатно?

– Представь себе. Это пробный проект от регионального модельного агентства. Они в поисках новых лиц, подбирают типажи. Там сначала будет занятие, типа, как ходить и всё такое, а потом тестовая фотосъёмка – пару кадров нам сделают. Что? Ты согласна?

– Ну не знаю... – замялась я. Какая из меня модель?

– Значит, завтра к пяти, – решила за меня Таня. – Где лофт находится знаешь?

Я отрицательно мотнула головой.

– Ничего ты не знаешь! Там вся творческая богема нашего города обитает. Ладно, тогда встречаемся на остановке, вместе поедом.

Вот так я и оказалась в том месте, куда совсем не планировала идти, и где меньше всего ожидала увидеть тебя. А зря – ты ведь творческая личность, как раз из тех, что, по словам Тани, там «обитают».

Лофт поразил меня своей творческой атмосферой. Тут всё прямо было пропитано этим духом. Вокруг так явно витало вдохновение, что, казалось, его можно пощупать. Такие помещения я прежде видела лишь в голливудских романтических фильмах и не могла подумать, что они могут скрываться и в нашем маленьком городе. Здесь было столько странных на первый взгляд предметов, создающих особый уют: огромное зеркало в старинной тяжёлой раме, кожаный диван напротив, чёрные зонты для фотосъёмки, волейбольное кольцо на противоположной от двери стене, выполненное под старину кресло в углу с искусно закрученными подлокотниками, высокий барный стул в середине комнаты, стойка с вешалками, патефон на журнальном столике (интересно, рабочий?), огромный вентилятор. Но больше всего мне понравилась задумка с лампочками, висящими на деревянном суку над столом. Они располагались на разной высоте, и вечером, если включить только их, это помещение наверняка будет выглядеть очень романтично.

Здесь даже стены были выкрашены хаотично: то белая краска, то кирпичная кладка, то снова краска, то вдруг, откуда не возьмись, шли фотообои. На маленьком столике в углу комнаты стоял небольшой журнальный столик, на котором разбросаны были приспособления для подправления причёски и макияжа на быструю руку – лак и мусс для волос, расчёска, шпильки, невидимки...

Хотелось бы мне увидеть, как выглядит творческая молодёжь города, которая здесь собирается. И чем занимаются? Таня сказала, что лофт иногда арендуют фотографы и музыканты. Да здесь можно целый фильм снять! Вон сколько декораций!

В лофте нас собралось около десяти девчонок. Самой младшей на вид было лет двенадцать, а старшей – лет двадцать пять.

Я рассматривала обстановку вокруг, а подруга сидела, уткнувшись в телефон и не реагируя на проявления внешнего мира. Её тёмные пряди волос падали на лицо, скрывая глаза, а узкие джинсы и майка хоть и смотрелись неброско, выгодно подчёркивали фигуру. Я пред-

почла прийти в том, в чём была на занятиях – брюки и рубашка. Подруга при встрече окинула меня взглядом и выдала «обнадеживающее»:

– Ты хорошо постаралась: сделала всё, чтобы тебя не заметили.

Я не обиделась. Это ведь правда. У меня нет желания попасть в модельный бизнес, даже с учётом того, что с ростом и весом у меня всё в порядке.

Долго нам ждать не пришлось. Через десять минут пришла девушка – высокая, с сильно стянутыми в хвост волосами, довольно стильно одетая, но не слишком красивая. Нос с сильной горбинкой, глаза крупноваты, высокие скулы. Но когда она представилась, оказалось, что это тоже модель, и у неё множество региональных наград и званий. Вот это да! Девушка представилась Светланой и провела с нами короткую беседу, вкратце изложив суть модельного бизнеса (ничего нового я не узнала), а затем провела тридцатиминутное пробное занятие подиумного шага. Началось всё с разминки, затем – дорожки, «шаг-поворот». Я думала, это гораздо проще.

В шесть часов Светлану заменил парень, мало похожий в моём представлении на фотографа – шупленький, в очках, с белобрысами вихрами, стоящими в разные стороны, года на два старше нас. Но это был именно он. Окинул взглядом нашу компанию и уточнил:

– Модели? Кто первая?

Первой, конечно же, вызвалась Таня.

В это время я продолжала осматривать помещение и восхищаться им, а ещё – пытаться понять, что привело сюда этих девчонок. Стремление получить хорошие фотки или всё же мечта стать моделью? Но многие из них не дотягивают до формата – маленького роста, полноватые... Хотя о Светлане я была поначалу такого же мнения. Видимо, дело не только в фигуре, но и в умении подать себя, притягивать к себе взгляды, заворожить и запомниться.

Пока Таня меняла позы (я думала, это будет быстрее), я уже начала скучать, но...

Но в этот самый момент дверь студии отворилась, и с громким хохотом и выкриками внутрь лофта ввалилась компания из пяти человек. И у меня на миг перекрыло дыхание. Я увидела своего Лёню – тебя!

Ворвавшаяся компания увидела, что в студии кипит рабочий процесс, извинилась и быстро перешла на шёпот. Четыре парня и одна девчонка. Кто-то остался стоять у дверей, а ты вместе с другом, осматриваясь, куда бы пристроится, заметил меня, одиноко сидящую на диванчике, и сразу узнал. Я поняла это по глазам и улыбке, и в этот самый момент, кажется, тоже тебе улыбнулась. Не помню. Я вообще слабо могла себя контролировать.

Ты что-то сказал своему знакомому и быстрым шагом пошёл ко мне. Боже, что творилось со мной в этот миг! Какие кульбиты выдавало моё неуёмное сердце! Вот он, момент долгожданного счастья: все смотрят на тебя – самого красивого парня в городе, – а ты идёшь ко мне и улыбаешься.

– Привет, – присев рядом таким образом, чтобы можно было видеть мои глаза, сказал ты, не переставая улыбаться.

– Привет.

– Вот это встреча! Не ожидал. Какими судьбами?

Ту-тух! Ту-тух!

Сердце, ты мешаешь мне думать.

– Да вот, подруга пригласила принять участие в тестовой фотосессии, – пожала плечами я.

– Как поживаешь? Давно не виделись.

Действительно, очень давно. Больше года. А если откинуть и встречи мельком – с самой школы.

– Я хорошо. А ты?

Вру. Вру! Очень без тебя плохо, Лёнечка! Пожалуйста, давай это исправим?!

– И я хорошо. Последний учебный год вот начался. У тебя тоже?

– Угу. А ты, кажется, на юридическом? – прикинулась беспамятной я.

– Ага. А ты?

Не знаешь? Или тоже прикинулся? А может, тебя это никогда и не интересовало? Сердце предательски сжалось.

– А я на журфаке.

– Ммм, и как там? Нравится?

– Если честно – да. Особенно всякие мастер-классы, когда мы прикасаемся к своей будущей профессии на практике.

– Я тоже хотел, – вздохнул ты, и на миг мне показалось, что из твоих глаз исчезли те солнечные лучики, которые всегда там были.

– А почему не пошёл?

– Ну... Это сложный вопрос.

Я знаю, Лёня. Я знаю, что ты хотел сказать. Просто когда пришлось выбирать, все факты сложились на том, что мужчине нужна профессия, где можно достичь карьерного роста, чтобы содержать и себя, и свою будущую семью. А журналист – это кто? Носись из редакции на задания, потом полночи сиди, редактируй тексты, а если напишешь неудобную статью – могут и попросить с рабочего места. Да и зарплаты не ахти какие. Так что...

– А песни ещё сочиняешь? – спросила вдруг я. Не могла я себе представить, что ты вдруг – раз! – и стал абсолютно другим человеком. Серьёзным. Деловым. Не интересующимся музыкой.

– Редко. Времени мало, – и уголки твоих губ опять расплылись в улыбке.

Дружеский разговор закончился через пару минут, так и не успев перерасти во что-то стоящее, романтическое и долгожданное.

Дверь лофта опять открылась, и мы вдвоём повернулись туда. На пороге стояла девушка с модным пальто с рукавами три четверти, с распущенными светлыми волосами. Она оглядела помещение и прежде, чем ты стал махать ей рукой, улыбнулась и направилась тебе навстречу. Я сразу поняла – догадалась, а может, почувствовала, – кто она. Твоя девушка. Не Надя. Уже другая.

– Привет, – не обращая на меня внимания, она смотрела только на тебя, опуская руку на твою голову и по-хозяйски взъерошивая твои волосы.

Я видела по её глазам: она счастлива. Ещё бы, рядом с таким парнем! А может, этот её внутренний свет и привлёл тебя? И пока я неловко пыталась подражать другим – красивым, успешным и популярным, она просто была собой. И выиграла.

Ты извинился передо мной, скомкано попрощался и, пожелав напоследок удачи, ушёл вместе с ней – также внезапно, как и появился.

А я сидела и думала... О том, что в этом мире так сложно быть собой, прислушиваться к своему сердцу и жить так, как хочется. И чем дальше – тем сложнее становится. А в детстве казалось, всё будет наоборот. Я так хотела скорее вырасти, мечтала о мнимой свободе. Но рамки существуют всегда и везде, и нужно быть очень смелым человеком, чтобы суметь преодолеть их. И свой собственный страх перед возможными неудачами. Ведь сотни доброжелателей постоянно осыпают тебя советами из благих, естественно, убеждений, дабы уберечь от ошибок, но на самом деле ломая тебя как личность. Ведь ошибки – это наш опыт. Нельзя всё время идти по ровной дороге, ни разу не споткнуться, не встретить тупик. Жизнь наполнена красками и эмоциями, и пусть иногда бывает больно и грустно, пусть бросает то вверх, то вниз, зато скучно точно не будет. Потому что это ТВОЙ выбор. Однако попробуй-ка отстоять это право – на собственное мнение, право стоять у руля своей жизни.

Вот мне сейчас больно, да, потому что с тобой опять другая – не я. И ты провожаешь её домой, целуешь на прощанье...

А я? Я снова за бортом твоей жизни. Но, несмотря на это, я ни за что не променяла бы свою любовь к тебе, и не отдала. Потому что наравне с болью я получила массу приятных эмоций на всю свою жизнь. И, знаешь, это даже определенная гордость – ходить с разбитым тобою сердцем.

Письмо одиннадцатое

После той встречи с тобой я снова мучилась, хоть и пыталась не показывать вида. Но проныщательная подружка всё же заметила, что со мной что-то не так, и устроила допрос в своей излюбленной манере – «пуля в лоб».

– Что случилось? – набросилась она на меня с расспросами, когда мы вышли из лофта глубоким вечером.

– Ничего. А что?

– Это из-за того парня, который к тебе подходил?

Я перевела на неё изумлённый взгляд:

– Ты видела?

– Я всегда всё вижу. Кто он? Ты в него влюблена?

Я смутилась и непроизвольно закусил губу, как делаю это всегда, когда волнуюсь.

– Да ладно тебе, я б тоже влюбилась в такого красавчика. Но он бы меня быстро бросил, а я привыкла, что первая всегда бросаю я. Так кто он? Давно вы знакомы?

Делать было нечего, и я начала ей рассказывать историю своей первой и пока что единственной любви, которая жила во мне все эти годы.

– Погоди-погоди, – перебила меня Таня. – Для таких тем не место на улице. Пойдём-ка лучше ко мне. Да и холодает уже. Чаю хочется.

До Таниного подъезда было рукой подать, и пока мы шли, подруга рассказывала что-то о несоответствии её представлений с прошедшей съёмкой.

– Надеюсь, хоть фотки нормальными получатся. А то жалко убитого времени. Фотограф вообще ни рыба ни мясо... Хорошо, что я сама знаю свои выгодные стороны.

Я слушала её в пол-уха, внутри по-прежнему чувствуя тлеющую лаву вулкана, разожжённого вновь этой встречей.

Ты никогда меня не полюбишь.

«Можно подумать, ты на что-то надеялась. Двадцать один год, а всё ещё веришь в сказки».

И ведь никто в этом не виноват.

Я как будто утешала маленькую девочку внутри себя. Маленькую девочку, главной мечте которой так и не суждено было сбыться.

Войдя в квартиру, Таня бесцеремонно прошлёпала на кухню, и, застав там старшего брата за ноутбуком, цыкнула:

– Эдик, шёл бы ты к себе. Нам тут пообщаться нужно.

Эдик разогнулся, взглянул сперва на Таню, затем на меня и, нахмутив лоб, брякнул:

– Э, кто в доме хозяин?

– Что??? – воскликнула Таня. И даже мне стало страшно.

– Ладно, ладно, – тут же пошёл на попятную парень, примирительно поднимая вверх руки. – Что, уже и спросить нельзя?

Схватив свой компьютер подмышку, он испарился, а Таня поставила на плиту чайник и повернулась ко мне:

– Садись и рассказывай.

– А тебе не кажется, что ты им манипулируешь? – невпопад брякнула я, искренне жалея Эдика. Он же старший, в конце концов. Да и вообще, в моей семье было принято уважать мужчин, сколько бы им не было лет. Только уважать было некого – разве что Сашку. Родители развелись, когда брату не было и полугода. С тех пор папа не слишком пылал желанием с нами общаться. У него появилась другая семья и другие дети. А для меня он всё равно папа...

– Ой, – махнула рукой подруга. – Нашла кого жалеть. Одной манипуляцией больше, одной меньше – ему это не повредит. Ну, я тебя слушаю.

Сперва я тушевалась и рассказывала нескладно, а затем увлеклась воспоминаниями и выложила всё как на духу. Нужно отдать Тане должное, слушатель из неё великолепный. Мне даже как-то легче после этого стало.

– Значит, никаких поползновений с его стороны ни разу не было? – спросила она, когда я закончила.

Я пожала плечами. Вроде бы не было.

– Тогда мне всё ясно: это безответная любовь, – со знанием дела вынесла вердикт Таня. Можно подумать, я об этом не знала! – А раз так, то вот что я тебе скажу. Хвост безответной любви не нужно обрубать сразу, потому что он вырастет снова, а дать ему отсохнуть. Сама знаешь, запретный плод сладок: будешь запрещать себе о нём думать, ещё сильнее станет хотеться. А тыпусти его в свои мысли. Но, помимо прочего, заполни свою жизнь до отказа потоком полезной деятельности. Вот увидишь, думать о нём сначала станет некогда, а после – неинтересно.

– Ой, Таня, чего я только не пробовала...

– Плохо, значит, пробовала. Будем вместе над этим работать. А вообще, не знаю я, чего ты так долго над ним зависла. Ну красивый парень, видный, а толку-то? Ты его часто видишь?

– Последнее время, наверное, раз в год, – к своему стыду призналась я.

– Во-о-от! – многозначительно протянула она. – Может, ты боишься реальных чувств? Вот и выбрала себе недостижимый объект страсти.

– Вряд ли, – отвергла такую идею я.

– Парней вон – как цветов в поле, выходи и выбирай любого, пока более шустрые девки не расхватали.

– Я так не могу. И вообще, как можно без любви? – нахмурилась я.

– А как ты поймёшь, что это любовь? Увидишь его в толпе и сразу почувствуешь, что именно это – твой будущий муж?

Я пожала плечами. Ну да, примерно так. Это слишком глупо, наверное?

– М-да, Лиза. С тобой нужно серьёзно работать, иначе так и помрёшь старой девой с мечтами о Лёне. Я что-нибудь придумаю. А ты не кисни давай, у нас завтра мастер-класс, помнишь? Приготовила уже вопросы для этой ведущей, как её там?

– Мария Морозова.

– Точно. Потом можем двинуть в кино, – она ловко схватила вскипевший чайник и принялась разливать чай по кружкам. – А ещё предлагаю устроиться на работу. Поищем вакансии, потрудимся в вечернее время, а на накопленные денежки куда-нибудь рванём летом в честь выпускного.

– Неплохая идея. Но трудновыполнимая.

– С чего вдруг?

– Ну кто нас возьмёт? Мы же ещё не дипломированные специалисты...

– Ой, вот не начинай. Найдём что-нибудь. Можно подумать, тебя с дипломом сразу оторвут с руками-ногами. Можно поработать на фрилансной основе. У тебя же, кажется, уже был подобный опыт?

– Ну, был, – призналась я.

Но, вообще-то, лучше не вспоминать, как в лютый холод и страшную пургу я стояла на остановке совсем одна с листовками в руках. Хватило меня на два дня.

– Вот завтра можем подкатить к этой тётке, вдруг поможет?

– Так она всем и расщедрилась, – хмыкнула я.

– Не ной. Лучше пей чай. Этим вопросом займусь я сама. Но когда подыщу нам что-нибудь – с тебя торг.

Я хмыкнула и кивнула. В Таниных способностях я не сомневалась, но о том, что ей и правда удастся найти нам работу, да ещё и так скоро, не могла и подумать.

Мастер-класс Марии Морозовой – известной телеведущей нашего города – проходил при полном аншлаге. Вопросы были самые разные, но когда она вдруг заговорила о том, как добилась такого успеха, у меня засосало под ложечкой. Будто это мои слова... Через десять или пятнадцать лет.

– Я долго к этому шла, несколько раз сходила с дистанции. Но дошла лишь потому, что к этому меня, сам того не зная, сподвиг один человек... Знаете, многих женщин на большой успех подталкивают мужчины, но не те, которые их любят, а те, которые отталкивают.

– Да ну? – раздался чей-то недоверчивый голос из зала. Мужской. А вслед за ним – несмелые смешки.

– Представьте себе. Вот ты хотела бы подарить ему всю свою любовь, всю жизнь подстроить под его ритм, забросить мечты о карьере и просто готовить борщи, стирать ему носки, воспитывать детей. Но выясняется, что это ему не нужно. Или нужно, но не с тобой. Не нужна ты ему – ни хорошая, ни плохая. И что остаётся? Доказать, что ты достойна быть рядом с ним, чтобы он заметил тебя в конце-то концов. Но когда цель достигнута, оказывается, что ты сражалась лишь за иллюзию и переросла эти чувства. И кто теперь кому не пара? Зато эти чувства когда-то стали для тебя отличной стартовой площадкой. Сегодня я могу честно сказать, что счастлива оттого, что всё сложилось именно так. У меня замечательная семья и любимая работа, я часто бываю в тех городах и странах, о которых грезил много лет. И всё это у меня есть. Разве не чудо? Просто позвольте всему идти своим чередом, не пытайтесь переломить судьбу, если раз за разом ничего не выходит. Возможно, для этого не пришло время. Или это не ваш шанс, и, уцепившись за него, вы потеряете что-то более стоящее. Знаете, что я хочу сказать всем отчаявшимся? Всё будет хорошо. Просто поверьте в это. Даже когда кажется, что всё разбито. Вдохните поглубже и сделайте шаг в новом направлении – пусть маленький, но это будет шагом вперёд. Очень часто чёрная полоса жизни становится взлётной. Оставьте прошлое в прошлом. Позвольте себе, в конце концов, быть счастливыми и ни от кого не зависеть. Вот увидите, вам понравится.

После такого мастер-класса, больше похожего на тренинг, мне стало как-то по-особенному тепло.

Но сюрпризы на этом отнюдь не закончились.

После довольно продолжительного общения с телеведущей все бросились к ней за фотками и автографами, и я, хоть и подумывала об этом сначала, всё же решила не соваться в такую толпу и вышла ни с чем, остановившись у окна в ожидании своей подруги. Таня всё не выходила, и мне казалось, что аудитория совсем опустела, когда она наконец выплыла – счастливая, как будто только что узнала о собственной номинации на «Оскар».

– Ну что ты так долго? – накинулась на неё я, чувствуя невообразимую усталость от этого долгого дня.

– Да подожди ты, – отмахнулась она. – Вот узнаешь сейчас что и мигом орать перестанешь.

– Я не ору, – пошла я на попятную.

– В общем, нас взяли на стажировку.

– Кого это – нас?

– Тебя и меня, кого же ещё.

– В смысле? Куда?

– О-о-о, на телеканал, куда же ещё, – начала раздражаться Таня моей тугодумности. – В понедельник к четырём, после учёбы подойдём ко входу, нас встретят. Стажировка оплачиваемая, хотя я не спрашивала, как хорошо – скорее всего, копейки. Но главное: мы попадём туда, – подняла она глаза вверх, имея в виду городскую богему.

– Ты что, серьёзно? – наконец начало доходить до меня.

Я буду стажироваться на телевидении? Это не шутка? И даже кастинга никакого не будет? Да разве такое возможно?

– Ясен пень! Пошли уже, есть хочется. Может, в кафешку? Отметим это дело.

– Как тебе это удалось? – всё ещё не веря своим ушам, я пропустила вопрос про кафе и принялась мучать подругу расспросами.

– О, это долгая история. Но ты ж меня знаешь, если мне что-то нужно... Морозова сказала, что была такой же смелой, как я, так что у меня есть все шансы пробиться. Ну, ты понимаешь.

– И она так легко тебя пригласила?

– Вообще-то, да. Ну, пришлось описать себя с лучших сторон, естественно, и пообещать, что мы возьмёмся за любую работу. Ну, она замялась, мол, этот вопрос не я решаю. Но я-то знаю, что её муж – директор канала. Весь город знает. Короче, я её уломала. Будем кем-то вроде подай-принеси, но это на первое время, – многозначительно произнесла Таня, загадывая далеко вперёд. Я же была рада и тому, что просто смогу окунуться в мир телевидения.

– Скажи, что это не шутка.

– В понедельник убедишься, недоверчивая моя. А сейчас идём есть. Честное слово, я уже не помню, когда последний раз клала что-то в рот. Ты не голодная?

Умеет она, знаешь ли, опустить своими земными мыслями обратно на грешную землю.

Письмо двенадцатое

Я самая счастливая девушка на планете! Почти. Если бы могла только не писать тебе на бумаге, а рассказать всё это лично. Но тебе это не нужно, поэтому... обойдёмся в этот раз без сантиментов. Так вот.

В понедельник я с трясущимися коленками отправилась в телецентр, всё ещё опасаясь, что нас выгонят, не пустив даже на порог. У входа встретила Таню и ещё раз поняла, заметив её решительность, какие же мы с ней разные. И всё равно дружим.

Наверное, это был подарок судьбы, с лёгкой Таниной руки преподнесённый и мне. Нас правда взяли. Даже проб никаких не устраивали. Молоденькая девушка встретила нас у дверей и провела короткую экскурсию – монтажная, комната для озвучания, съёмочный павильон. Я смотрела на всё это с нескрываемым интересом и чувствовала себя в этой незнакомой пока, но давно манящей обстановке как Ассоль, дождавшаяся свой корабль.

Работу нам доверили самую разнообразную – от мытья пола до курьерской доставки. И никакого намёка на творчество. Я даже слегка приуныла, но всё равно проводила в телецентре массу свободного времени. Было отрадно уже оттого, что мы имеем доступ в тот мир, о котором мечтали. Можем тихонько смотреть, как проходить запись эфира, как создаются крупные планы, как проводятся интервью с интересными людьми города и что делают гости за кадром.

Платили и правда такие крохи, что даже деньгами назвать их не получается. Но при нашем раскладе грех жаловаться. Я о таком и мечтать не могла! Даже бесплатно.

Однажды, когда я мыла пол, а Таня сидела рядом на стульчике (мы делали это по очереди), мимо прошла Мария Морозова. Узнала нас и улыбнулась.

– Ну что девочки, нравится?

Ожидала, наверное, что мы пробурчим под нос что-то невнятное и сто раз уже пожалели. А мы с подругой синхронно закивали головами и ничуть не слукавили:

– Нравится!

– Вижу азарт в глазах – это хорошо. Карьерную лестницу нужно строить по ступенькам, с самой нижней, не то вся конструкция быстро развалится. А это, – кивнула она на ведро и тряпку в моих руках, – явление временное. К любой работе можно отнестись творчески.

В своих прогнозах ведущая не ошиблась. К началу весны нас повысили – условно, конечно. Теперь мы могли присутствовать за камерой на записях программ в качестве ассистентов, иногда нам доверяли редакцию текстов, а один раз мне даже позволили стать голосом для рекламы! Вот было счастье!

Конечно, на такой работе мы много не заработали, поэтому пришлось мне взяться за старое – писать курсовые и рефераты ребятам с курсов помладше. Часто – взамен полноценного сна. Зато к лету у меня накопилось достаточно средств для желанной поездки на море. И сразу же после того, как мы с Таней стали счастливыми обладательницами диплома, подруга взяла на себя организацию поездки, потому что мне собрать себя было сложно.

Таня же, будучи девушкой с неуёмной энергией, выполнив в своей программе пункт «А» и заманив меня в путешествие, перешла к пункту «Б», настойчиво уверяя, что я просто обязана обзавестись парнем или хотя бы закрутить с кем-нибудь летний роман. В её понимании никак не укладывалось, как у девушки в двадцать один год до сих пор не было никаких отношений. На самом деле они у меня были и есть – гораздо серьёзнее, чем у многих. Только не напоказ, а внутри. Я ещё не могла сказать наверняка, что не люблю тебя. Не плачу при мысли о том, что ты с какой-то там новой девушкой – и на том спасибо.

– Что такое летний роман? – вела пропаганду активного образа личной жизни Таня, не разделяя моих убеждений. – Это когда никто никому ничем не обязан. Всё легко и про-

зрачно. Вы встречаетесь в непривычных для каждого обстоятельствах, вдали от дома и проблем, а вокруг шелестит трава, чирикают птички, и всем хорошо. Или так: закат, море, столик для двоих – сплошная романтика! Ну как тут не влюбиться?!

– Но всем ведь понятно, что пройдёт пара недель, трава пожелтеет, птички улетят на юг, погода испортится, и наступит время возвращаться домой, – внесла немного здравого смысла я.

– Первое и главное правило летнего романа гласит: никогда не планируй ничего серьёзного, – с видом знатока произнесла Таня.

– Тогда это не для меня.

– Ой, Лиз, ну какая ж ты скучная! Зато ты это приключение на всю жизнь запомнишь!

Как в воду глядела, между прочим.

– Главное, чтобы потом это приключение всю жизнь расхлебывать не пришлось, – выдвинула я свой контраргумент.

– Вот зануда. С таким подходом ты точно останешься одна.

– Лучше одной, чем с кем попало.

– Тогда тебе пора присматривать себе котика.

Я начинала раздражаться, а Таню это сместило. У нас были абсолютно противоположные взгляды на жизнь, и порой мы спорили до посинения, но нам всё равно было весело вместе. Мы гармонично дополняли друг друга: она толкала меня вперёд, я притормаживала её бег – это ли не ключевой залог дружбы?

Наконец мы собрались. Поехали. Добрались до гостиницы, выгрузили вещи и сразу помчались к тёплому морю. В первый же день я накупалась на неделю вперёд, а вот подруге оказалось мало. У нас опять произошла безобидная стычка интересов: я хотела вести активный отдых – посещать музеи, парки, осмотреть все магазины и достопримечательности, которые попадутся на пути, а Таню интересовали только море и пляж. В итоге мы сошлись во мнении, что будет лучше для нас обеих, если мы разделим отдых на две части и будем чередовать дни активного и пассивного отдыха.

Единственная активность, которую допускала подруга, помимо купания в море – это ночные развлечения и танцы до упада.

В первый же день она потащила меня в кафе, на втором этаже которого располагался ночной клуб – видимо, всё предусмотрела заранее. Но цены там оказались настолько поразительными, что даже у неугомонной Татьяны азарт слегла поутих.

– Это что за прайс-лист? – разглядывая меню, возмущалась она, не обращая внимания на оборачивающихся в нашу сторону посетителей кафе.

– Тань, потише, – шёпотом попросила я, чувствуя себя неловко. Люди пришли отдыхать, а мы тут орём.

– Нет, я что, после этого кофе золотыми сливками в туалет ходить буду? Очуме-е-еть...

Я стыдливо опустила голову в меню, стараясь найти что-нибудь подешевле.

– Не нравятся цены – давай уйдём. Кричать-то зачем?

Но Таню не переспоришь.

В итоге мы взяли по чашечке кофе, Таня ещё раз высказала своё «фи» официантке и напоследок спросила весьма издевательским тоном:

– А что, у вас кофе из Голубых гор?

– Что? – опешила девушка в униформе.

– Самый лучший кофе выращивают на высоте более девятисот метров над уровнем моря в предгорье Голубых гор. Ваш оттуда?

– Нет, – взглянув на клиентку как на сумасшедшую, сказала официантка. Лучше бы соврала.

Таня тут же сорвалась на неё:

– Тогда за что я должна платить такие деньги?

– Девушка, у нас такой прайс. Если вас что-то не устраивает, можете пойти в кафе попроще. У нас готовят элитный кофе.

– Элитный кофе у них, – пробурчала Таня. – Обдуривают людей и не стесняются.

Кофе, к слову сказать, оказался хорошим, но горьковатым. Видимо, элитные сорта не для меня.

В клуб подруга идти передумала («Как я буду кадрить парней с таким настроением?») – к моему счастью.

Зато когда по пути в гостиницу нам попала шумная компания уличных танцоров, зазывавших прохожих к себе, Таня оживилась:

– Пошли!

Я отрицательно мотнула головой и попятилась.

– Нет, ты иди, а я подожду.

– Ой, да кто нас здесь знает?

Решительно схватив меня за руку, подруга ринулась на звуки музыки, и не куда-нибудь, а в центр толпы.

К слову сказать, я и правда получила удовольствие. Все здесь были весёлые, доброжелательные – и темнокожие парни, и бледнолицые девушки, и даже пожилая пара, которая могла дать фору всем молодым. Я редко бываю настолько... собой в публичных местах.

Добравшись до номера, я просто упала лицом в подушку и проспала без единого сна до десяти утра. Спешить нам было некуда. Сегодня по предварительной договорённости мы собрались посетить в музей и познакомиться поближе с историей города.

Однако и тут мне пришлось уступить слёзным просьбам подруги прогуляться по пляжу «хотя бы полчасика», несмотря на то, что этот день был моим. Как же я злилась и мысленно ругала себя за слабоволие! Но если бы знала всё наперед, заранее сказала спасибо. Ведь, страшно подумать, если бы не эта невинная просьба, в которой я могла отказать, вся моя жизнь могла пойти совсем по другому сценарию. Правду говорят: нашу жизнь, как большую картину, составляют её отдельные моменты, порой кажущиеся нам незначительными. Но один неправильно подобранный пазл – и изображение меняется.

Волны с лёгким шумом набегали друг на друга, словно играя в догонялки, солнце щедро делилось своими лучами, и я наслаждалась жизнью, ожидая, когда Таня выберется на пляж. Мне было интересно смотреть на людей, особенно на семейные пары, устроившиеся неподалёку на пляжных полотенцах и шезлонгах. Папы долго на берегу не задерживались – уходили в море, а мамы вместо долгожданного отдыха то и дело оглядывались на своих детей: на месте ли, не засунули ли в рот какую-нибудь гадость, не связались ли с каким-нибудь несносным мальчишкой, который, того и гляди, научит плохому. И ещё делали много фоток: вот чадо лепит замок, а мамочка подбадривает его и хвалит: «Какая красота!», а вот плещается в море в спасательном круге. Я люблю детей. Смотрела бы на них бесконечно.

А ещё мне нравилось дыхание свободы, которым веял морской воздух с примесью соли и южного тепла. Я наслаждалась мгновениями счастья, которым наполнялась каждая клеточка моего тела.

Правда, продолжалась эта эйфория недолго.

Стоило мне взглянуть правее, в сторону спасательной вышки, и мысли вылетели из головы.

Мальчик моей мечты. Приближался с космической скоростью. Ко мне. Не ко мне, то есть – просто шёл в мою сторону. Разглядывал море. Такой красивый, что сердце защемило! Я успела только вдохнуть – а выдохнуть уже не сумела. Забыла, как это делается.

Я всё ждала: посмотрит сюда, не посмотрит? Узнает, не узнает?

Он повернулся. Скользнул по мне взглядом, улыбнулся и удивлённо приподнял брови. Узнал.

– Привет, – махнул он рукой ещё издали, знакомым жестом взъерошил свои тёмные волосы и пронзил меня взглядом: – Вот это встреча!

Не люблю я смотреть на людей вот так – снизу вверх. И встречи нашей не ожидала, потому и замешкалась. А мальчик мечты расценил всё по-своему:

– В глубине души я всё же надеялся, что ты меня узнаешь...

– Узнаю? Мы знакомы? – я вгляделась в его лицо, надеясь выиграть время и привести в порядок чувства и мысли.

Я что, шучу так?

Он рассмеялся.

Красивый брUNET. Глубокие медово-карие глаза. Широкая, по-детски открытая улыбка. Спортивное тело. Я узнала бы его, даже если бы прошло двести лет. Такие люди не забываются. Такие, как ты.

– Конечно, помню, Лёня, – улыбнулась я, и ты облегчённо рассмеялся.

– Я уж подумал, так сильно изменился.

– Не изменился, – покачала головой я. – Просто не ожидала тебя здесь увидеть.

– А вот ты изменилась, – окидывая меня взглядом, заявил он. – Такая красивая стала. Как дела? Ты давно здесь? – присел на песок рядом со мной, вытянув вперёд согнутые в коленях ноги, и сразу же засыпал меня вопросами. А я смотрела на тебя, улыбалась, как дурочка, и думала: «Со мной столько всего случилось за это время, но я так рада тебя видеть».

Да, «это время» – это не месяц и не два, а целых восемь лет и два с половиной месяца. Это время, воспоминаниями о котором я хотела бы с тобой поделиться, но, увы, не могла. Два полюса памяти. Давний, в котором мы бегали по дорожкам паркам совсем детьми, неохотно позируя для фотографий на старую мыльницу, и совсем близкий, почти вчерашний – чувство безответной любви, надежды и разочарования, полётов в мечтах и падений наяву, счастья и боли, неслышанного «люблю», не озвученного «и я тебя тоже»...

– Второй день всего. Живу хорошо. А ты как поживаешь? – задала я дежурный вопрос, прекрасно понимая, что привычного «вроде нормально» мне недостаточно.

Вот теперь я могла бы сказать, что рай на земле существует. Серьёзно. Мой ангел наконец-то меня услышал, внял моим просьбам и организовал всё по высшему уровню: тёплое море, жгучее солнце, полуобнажённый красавец из моей мечты...

Ответить ты не успел.

То ли заметив меня в компании симпатичного парня, то ли насытившись объятиями моря, нестати вернулась Таня, и её широкая улыбка была бы видна, пожалуй, даже с другого берега.

– Ой, привет. А я Таня.

– Это Лёня, мой друг, – просто представила я, опережая тебя.

Мне не хотелось говорить про тебя «знакомый» – ты всегда был для меня гораздо больше и важнее, чем то, что люди обычно вкладывают в это понятие.

– АБВГД-йка? – вдруг выдала Таня, и я готова была провалиться сквозь землю.

Но ты ничего не понял. Удивлённо свёл брови на переносице и посмотрел на меня, ожидая трактовок. Я объяснять ничего не стала. Пришлось выкручиваться Тане.

– Это пароль. Означает: «Всё в порядке?». Используем его в случаях знакомства с парнями. Если ответ утвердительный, значит, всё в порядке, если нет – сбегает. Ты первый посвящённый в нашу тайну, так что в случае разглашения придётся тебя убить, – без тени улыбки заявила она.

– Пожалуй, придётся научиться держать рот на замке, – явил миру ты свои неземные ямочки, по которым я тоже так долго скучала, и я улыбнулась в ответ.

Но Танин взгляд, явно говоривший о том, что растекаться лужецей рано, отрезвил.

– Давайте я вас сфоткаю тогда, что ли, – предложила она, и я мысленно поблагодарила её за проявленную инициативу. – Когда ещё друзья в такой обстановке встретятся?

– Давай, – живо откликнулся ты, придвигаясь ближе и легко обнимая меня за талию.

Всё, что я так долго пыталась запрятать в потайные уголки своего подсознания, всплыло наружу от одного лишь такого касания. Твой обнажённый горячий торс касался моего тела, рука легко обнимала за талию и... О, Боже! Я разом растеряла способности думать, дышать, улыбаться.

– Давно мы не фоткались, правда? – подмигнул мне ты, выпуская из объятий после громкого объявления Тани, что фотки будут отличными.

Мы тут же посмотрели получившиеся кадры, и я невзначай отметила, какой гордой и довольной выгляжу рядом с тобой. Это было непроизвольно, честное слово. А чувствовала себя как амёба.

– Вы такие красивые, не то что мои знакомые девчонки, – стреляя в нас глазками и обольщая улыбкой, отметил ты.

Я знала, что это ложь, но она была такой сладкой... Да, я из тех, кто ведётся на красивые глаза и тает от комплиментов, заранее зная, что все они – лишь подслащённый сироп в уши. Но ведь приятно...

– Надо будет как-нибудь встретиться, – предложил ты, пытливо глядя на меня, и я кивнула, заранее настраивая себя на то, что этого никогда не случится.

Однажды... нет, дважды мы уже «созвонились». А потом ты стал встречаться с другой... Поэтому я только и сказала:

– Да, надо.

– Как насчёт ужина? Тут неподалёку есть отличное кафе, я там вчера был.

– Один? – хитро прищурившись, уточнила Таня.

– С приятелем.

– Это парень?

– Ты меня проверяешь? Или подозреваешь в чём-то нехорошем?

– А вдруг ты из тех, кто каждый день ходит на свидания с разными девушками?

– Нет, я из тех, кто назначает свидание сразу двоим, – засмеялся ты, смешно морща нос.

– Это что-то новенькое, – продолжала вести диалог подруга, и мне показалось, что она флиртует. В сердце неприятно кольнуло. Ревность.

– Ладно, Лёнь, нам пора... – вклинилась я в беседу, стараясь выглядеть безмятежной и чуть-чуть равнодушной. Хорошее настроение словно рукой сняло.

– Да, – спохватился и ты, и внимательно посмотрел мне в глаза. Всего доля секунды, а я чуть не умерла. В который раз. – Так, значит, в семь я вас жду? Кафе «Бригантина». Найдёте?

– Не найдём – значит, не судьба, – пожала плечами Таня с безмятежным видом, а потом широко улыбнулась *моему* пар... другу.

– Пойдём уже, – скрывая под улыбкой всё, что кипело внутри, я схватила подругу за руку и потащила в противоположную от тебя сторону. – Пока, Лёнь, до встречи.

Я боялась, что ты можешь увлечься Таней – яркой и остроумной. А этого я точно не смогу пережить. Уж лучше неведомая Надя, Вера, Оля, которые были (или есть?) в твоей жизни, и о которых я знала лишь по фотографиям на страничке «ВКонтакте».

– Симпатичный парень, – отозвалась подруга и, словно подслушав мои мысли, выдала: – Интересно, у него есть девушка?

– Насколько я знаю, была.

– Ну, это мы выясним. Он тебе по-прежнему нравится?

Прямой вопрос заставил меня запнуться. Что ей ответить? Правду – значит, выдать себя с головой. Соврать – развязать ей руки и позволить в открытую с тобой заигрывать.

– Всё понятно, такие парни не могут не нравиться. А может, ну его, этот музей, устроим-ка шопинг? Тем более что время подходящее и повод появился.

И я впервые за последние два дня не стала с ней спорить.

Письмо тринадцатое

Наверное, я всё-таки боялась этой встречи, хоть и не отдавала себе в этом отчёт. Какая-то неясная мне самой сила держала меня у входа и не давала уйти – то причёску поправить надо, то платье одёрнуть, то макияж разонравился. Всё-таки я не умею делать ровные стрелки. Не стоило и браться.

А может быть, эти босоножки вообще сюда не подходят?

Я провозилась со сборами больше часа, чего со мной никогда не случалось, прежде чем сделала наконец три маленьких, неуверенных шага вперёд и прямо у порога своего номера встретила Таню.

– Ну чего ты так долго возишься? Опоздаем же!

– Девушкам можно, – беспечно отмахнулась я, стараясь скрыть свою нервозность.

Совершенно необъяснимо, как ты без каких-либо усилий каждый раз ухитряешься вызывать у меня приливы неконтролируемого счастья одним только фактом своего присутствия на горизонте. Только ли у меня?..

Воздух был чистым и невесомым как пёрышко. С каждым вздохом он наполнял лёгкие пузырьками счастья – хотелось взлететь и беспечно парить в воздухе над бесконечными морскими просторами, поражающими своим размахом и голубизной. Мне казалось, что я не иду, а лечу к тебе!

Прибрежное кафе «Бригантина» мы нашли без труда. Несмотря на то, что на улице было ещё светло, оно уже переливалось неоновыми огнями, привлекая к себе внимание.

Таня первой перешагнула порог, деловито осмотрелась и двинулась в центр зала, занимая свободный столик. Я тоже огляделась, но тебя нигде не было видно. Всю лёгкость сразу словно рукой сняло. Не пришёл?

– Может, пересесть к окну? Там вид лучше, и нас будет не так заметно, – предложила я, покусывая губы и чувствуя, как волнение нарастает в геометрической прогрессии. Я даже не знаю, из-за чего нервничала больше: ожидая встречи с тобой или опасаясь, что её не случится.

– Ага, а ещё ты можешь залезть под стол и просидеть до конца вечера там, чтоб уж совсем никто не увидел. Я же насквозь тебя вижу. Успокойся и получай удовольствие, – разрушила мои замыслы Таня, откидываясь на спинку стула и с кокетливой улыбкой принимая от официанта меню.

– Он подумает, что я дурочка, – продолжала ныть я, чувствуя крайнюю неуверенность в своих силах.

– Да, если ты будешь только кивать и улыбаться как картонная кукла. Будь честной. Будь собой. Говори «нет», если тебе не нравится. Рядом с такими как Лёня нужно быть личностью. Серой массы, влюблённо вздыхающей за его спиной, и так предостаточно, – учила меня подруга. Мне бы её стальные нервы. – Действовать нужно быстро и тратить драгоценные минуты на что-нибудь приятное. Например, на прогулки по берегу моря. Или на поцелуи. И запомни: никаких претензий, никаких обязательств.

– Таня...

– Только так, – перебила она, решительно рассекая воздух ладонью. – Такие как он не любят посягательства на свою территорию, это нужно учесть. Как только почувствует, что ты претендуешь на что-то большее – сразу же развернётся и даст заднюю. – Заметив что-то (или кого-то?) за моей спиной, Таня понизила голос: – Просто наслаждайся вечером.

А потом прямо позади меня раздался бархатный голос:

– Добрый вечер, девушки! Позвольте присоединиться?

– Привет, – махнула рукой Таня и кивнула на место рядом с собой.

Я даже обиделась немного. Знает ведь, что это *ОН!* И всё равно заигрывает. Но с выводами я всё же погорячилась, потому что вскоре поняла, что сидеть друг напротив гораздо удобнее. По многим причинам.

Сначала внять совету подруги и получать удовольствие было непросто. Твой обжигающий взгляд, бархатный голос, улыбка с ямочками сводили с ума и не давали расслабиться ни на минуту. Я словно впала в протрацию: ничего не видела и не слышала, переполненная этими невообразимыми ощущениями. Чувствовала себя глупой фанаткой, сопливой школьницей, которая мечтает только о том, чтобы плакат на стене с изображением красавчика ожил и воплотил мечты в жизнь. Ругала себя за это, старалась держать спину прямо и улыбаться, потом вспоминала про «картонную куклу» и окончательно терялась.

Как нужно себя вести???

Это особый дар, что ли? Я и слова из себя выдавить не могу. А в мечтах-то какая смелая!

Постепенно справиться с волнением всё же удалось, и это был первый шаг в правильном направлении.

– А ты один сюда приехал? – Таня уверенно вела беседу за нас двоих, потому что для меня оказалось чрезвычайно сложно даже держаться с достоинством и спокойствием. Я страшно боялась, что все мои попытки быть стойкой рядом с тобой с треском провалятся, и новый твой взгляд с едва заметной улыбкой легко сможет сканировать меня насквозь. И вот тогда ты догадаешься и... И мне придётся вызывать «Скорую», да. Интересно было бы сейчас пульс измерить. Я чувствую себя как после забега на длинную дистанцию – сердце колотится так, что слышно в ушах.

Надо сосредоточиться. Я должна быть стойкой. Я должна получать удовольствие. Потом ведь буду всю ночь вспоминать эту встречу и снова корить себя за то, какой дурой была.

Значит, не надо быть дурой.

Легко сказать...

– Да, один. У родителей отпуск через месяц, а я как раз через месяц выхожу на работу – появилось одно неплохое местечко, и друг обещал посодействовать. Так что решил не упускать шанс, и, как оказалось, не прогадал, – ещё один взгляд в мою сторону, и я почувствовала, как мучительно краснею.

Что? О чём это ты?

– А говорил, что проводишь время с приятелем, – напомнила Таня. Пытаясь уличить тебя во лжи?

– Да, мы с ним тут познакомились, – засмеялся ты, и от этого твоё лицо стало ещё красивее (Боже!). – Живём в номерах по соседству. А приехал один.

– А друзья? Они тоже не захотели поехать? – продолжала допытываться подруга.

– Друзья есть, но и у них нашлись веские причины, чтобы отказаться. И эти причины называются «девушки». – При этом ты сделал такую гримасу, что я невольно расхохоталась. Никто из моих знакомых не умел строить таких изумительных рожиц, как ты. Они были не просто смешными, они всегда выражали именно то, что ты в данный момент хотел сказать словами. И я тотчас понимала это. Вот сейчас, например, это смесь грусти, сожаления и сарказма.

Стоп! Грусти? У тебя разве нет девушки?

Таня, ну спроси его об этом! Таня!!!

– И зачем ты оканчивал юридический? Тебе надо на сцену, – выдавила сквозь смех подруга, не слыша мои мольбы. Ну да, мы ещё не настолько хорошо друг друга знаем, чтоб уметь общаться без слов. А жаль.

– Юрист тоже должен быть немножко актёром, – ответил ты, потягивая коктейль через трубочку. – И потом, моя будущая жена, скорее всего, стала бы ревновать к актрисам, с которыми мне пришлось бы целоваться.

Я нарочно смотрела в стакан, опасаясь встречаться взглядами, хотя и чувствовала, что ты смотрел на меня.

«Как тогда...» – пронеслось в голове.

«*Найди себе мальчика и дружи с ним, а потом поженишься, как мы с Лизой...*». Ведь совсем недавно я слышала эти слова. Совсем недавно... Лет семь назад.

– Это точно, – подхватила подруга, спасая меня от неловкости (и откуда она возникла? При чём здесь я?) – Пожалуй, всё-таки не будем отговаривать тебя работать по специальности, а то мало ли...

Мы снова рассмеялись, и возникшая натянутость внутри меня была безвозвратно утрачена.

– Слушайте, как насчёт гонок на автомобилях? – вдруг ни с того ни с сего выдал ты. Спонтанность – твоё второе имя. – Кто-нибудь из вас любит скорость и адреналин?

Таня бойко подняла руку вверх, а я немножко поморщилась и отрицательно мотнула головой.

– Я пас.

– Да ладно тебе, – принялся уговаривать меня ты, используя один из арсенала своих обольстительных взглядов (интересно, у тебя это непроизвольно выходит или ты знаешь, как это работает?). – Это такой кайф! Ты когда-нибудь каталась на картинге?

– Нет.

– Значит, пришло время попробовать.

Сопротивляться было бесполезно. Один твой взгляд – и я готова была на что угодно, даже прыгнуть вслед с крыши небоскреба. Наверное...

– Ладно, я поеду с вами, но останусь наблюдателем.

– Посмотрим, – пошёл на некий компромисс ты, хотя всем было вполне понятно, что это всего лишь уловка.

Ладно, наверное, настало время признаться: я действительно получила несказанное удовольствие от этого вечера. И от езды на скоростных автомобилях. Мне вспомнилось детство – мы тогда тоже катались на детских электромашинках. Только если тогда ты нарочно пытался сбить меня, то теперь поддавался и позволил нам с Таней выиграть, хотя это было совсем нечестно.

Мне не хотелось с тобой расставаться. Я боялась, что этот вечер – единственное, что останется мне в утешение. Но ты сказал, что у тебя впереди ещё целых пять дней, и завтра мы встретимся снова. И я поверила. И я уже жду завтрашний день, надеясь на чудо, которого не происходило столько лет.

Наверное, в моём возрасте мечтать о чудесах уже глупо?

Ну и пусть я буду глупой, зато – абсолютно счастливой!

Письмо четырнадцатое

Мы договорились встретиться в четыре часа там же, где в первый раз – на пляже неподалёку от спасательной вышки. С утра я планировала хорошенько выспаться, а потом всё же сходить в музей, до которого не добралась в прошлый раз. Но планам снова не суждено было сбыться.

В девять утра в комнату вихрем ворвалась Таня и, наплевав на мой слабый протест, принялась промывать мне мозги.

– Ну что, подруга, давай, рассказывай, давно он тебе нравится?

– Давно.

– А поконкретнее?

– Очень давно.

– Ясно. Год? Два? Три? Пять?

– Восемь, – выдохнула я.

– Восемь? – округлила глаза она. – Столько в браке не живут, а ты... Чокнулась! – вынесла вердикт она. – И что, вы даже не целовались ни разу?

Я нахмурила брови и взглянула на неё исподлобья.

– Ну да, о чём речь! – спохватилась она. – У тебя же слепая любовь! Как у безмозглых девочек – к бриллиантам на витрине: смотреть можно, трогать нельзя. Ладно, будем разрабатывать план.

– Какой ещё план? – поразилась я, уже обдумывая план бегства.

Ну, признаться тебе в любви она меня точно не сможет заставить.

– Куй железо, пока горячо, – философски ответила Таня. – Не так страшно. И не так больно. Смотри, в общем, что я нашла, – жестом фокусника она раскрыла принесённый с собой журнал и сунула мне в руки. – Читай. Знают, что печатать, молодцы.

«Как сделать так, чтобы он влюбился», – гласил заголовок, и я усмехнулась.

– Ты мне что, пособие по чёрной магии принесла?

– Дура, – обиделась Таня, как будто я её собственный материал оскорбила. – Читай и учись у других, раз сама ничего не умеешь.

– А ты прям такая умная, – обиженно буркнула я.

– Я не умная, я опытная. Была бы умная, не была бы такой опытной, – глубокомысленно заметила Таня. – Это не я сказала, но всё равно верно.

Из неё сегодня так и рвались на волю «умные мысли». Магнитные бури на небе, что ли?

Правило первое: не будьте такой как все. Поклонниц у него много, и, чтобы его зацепить, нужно от них отличаться.

А им откуда известно, сколько у тебя поклонниц? Ладно, с первым попали. Но лучше бы объяснили, что это значит: «не будьте такой как все». Мне волосы в синий цвет, что ли, покрасить? Или начать ходить на руках?

Правило второе: не надоедайте. Личное пространство и свобода нужны любому парню как воздух. Хобби и друзья для него, увы, важнее чем любовь. Постарайтесь это понять и принять: не удерживайте и не приставайте с вопросами о чувствах и обнимашками.

Хм... Интересно было бы посмотреть, как тыотреагируешь, если я наброшусь на тебя с «обнимашками»? Удивишься уж точно. Оттолкнёшь? Не думаю. Ты блистательно владеешь любой ситуацией, в том числе неожиданной, неприятной или запутанной. Ты дипломатичен в самом благородном смысле этого слова. И за это тобой нельзя не восхищаться.

Вообще-то, я тоже из тех, кто нуждается в личном пространстве, так что, если бы мы вдруг встречались, проблемы бы здесь не возникло. Я вообще была бы самой покладистой и любящей девушкой. Ведь я так долго ждала этого!

Правило третье: будьте чем-нибудь увлечённой. У вас должна быть тема, и даже несколько, на которую вам есть что сказать. Умные девушки нравятся всем. Главное – не переусердствовать в этом деле.

Хм, интересная у них методика давать советы. Вроде как и по делу, но уж очень поверхностно, обобщённо. Вот где эта грань между «быть увлечённой» и «не переусердствовать»? Додумывай сама, называется.

Правило четвёртое: слушайте его и хвалите. Он должен видеть ваши полные внимания глаза, знать, что вы вдохновляетесь тем, что ему интересно. И не забываете хвалить! Он очень любит нравиться людям, так что лесть – отличная пилюля для привораживания.

Ну и завернули – «пилюля для привораживания».

Интересно, парни тоже выстраивают стратегию, читают статьи в Интернете, прежде чем познакомиться с девушкой и начать сражаться за её сердце или действуют по наитию?

«Пилюля для привораживания»... А я думала, отношения должны строиться на честности...

Правило пятое: не выносите мозг. Подколки и шутки нравятся ему куда больше (если они безобидные и не унижают его, конечно). С ним нужно смеяться, быть авантюрной и безбашенной. Если будете постоянно дарить ему ощущение радости, он захочет почаще бывать в обществе такой чудесной, остроумной и весёлой девушки.

Да уж, с чувством юмора у меня проблемы. Причём конкретные. Но выносить мозг я не буду. Хотя и это не точно.

Правило шестое: тактичность. Парни не переносят грубости, наглости и своеправия. А ещё терпеть не могут, когда их учат жизни и перевоспитывают. Это стоит учесть.

– И зачем мне это? – оторвалась я от чтения, пробежавшись по тексту глазами и понимая, что толку от этих «советов» мало.

– Балда! К сведению. А теперь пошли пить холодный чай и собираться на море.

– Рано же ещё, – попыталась возразить я.

О планах про музей и заикнуться не успела.

– А вдруг твоего Лёнечку встретим?

Против такого аргумента я возразить не посмела, и, вместо того, чтобы получать удовольствие от созерцания исторической части города и посещения одного из самых известных его музеев, опять потащила на раскалённый песок.

Насладиться солнечными ваннами и солёной водой мне тоже не удалось. Постоянно крутила головой во все стороны, но тебя, увы, так и не встретила.

Сделав небольшой перерыв в середине дня и заглянув в прохладную тень кофейни с милым обслуживанием и приемлемыми ценами, к четырём мы вновь вернулись на пляж.

Я нацепила шорты и футболку свободного кроя, оголяющую одно плечо. Таня настояла.

Сама же подруга нарядилась в короткий пёстрый сарафан, который смотрелся на ней изумительно, и пообещала, что сделает всё возможное, чтобы в этот вечер ты понял, что я вполне ему подхожу. Я только глаза закатила.

Ты снова опаздывал. Таня злилась. Я нервничала. Мы уже хотели уйти, потому что двадцать минут – слишком много для опоздания, а, зная твою забывчивость, можно было предположить, что ты не придёшь вовсе. Ну, мало ли, планы поинтереснее появились.

– Устрою я ему! – пригрозила Таня. – В следующий раз до утра будет ждать нас у моря как одинокий дельфин.

Я не сдержала улыбку. Хорошая ассоциация.

И вдруг, словно в кино, появился ты. Серьёзно. Не хватало только завораживающей музыки и развевающихся волос.

Ты был настолько красив, что мы мгновенно забыли, как ещё минуту назад психовали и кляли тебя за опоздание.

Ты был в одних только бриджах синего цвета, и я поспешно отвела глаза, чтобы не пялиться на твой голый торс. На твой *безупречный* торс.

– Привет, девчонки, – взмахнул ты рукой, приближаясь, и оглядывающиеся на тебя девушки неподалёку тут же перевели на нас взгляды.

Нужно было видеть эти выражения лиц. Из заинтересованных они вдруг резко стали скукоженными, как будто их обладательницы лимона отведали. Простите, девочки, я слишком долго ждала своей очереди.

– Хм... «Я проспал» уважительной причиной не считается, – с ходу предупредила тебя Татьяна.

Ты засмеялся и покачал головой.

– Это банально. Я договаривался насчёт досок для сёрфинга. Вы когда-нибудь пробовали?

У меня дар речи пропал. А у Тани, наоборот, загорелись глаза.

– Нет пока. Но ты же нас научишь?

– Естественно, – обезоруживающе улыбнулся ты.

Эй, мы так не договаривались! Моё мнение здесь вообще кого-нибудь интересует?

Ваша парочка-твикс резво зашагала к морю, вперёд, и всё, что мне оставалось – плестись следом и постараться стереть с лица кислую мину.

Ну ладно, я хотя бы попробую.

То ли случайно так вышло, то ли спланировано (явно не мной), но меня учил стоять на доске именно ты, уже владевший основными навыками, а Таню – инструктор.

Удивительно, но, падая, я только смеялась, потому что ты тут же помогал мне подняться, поддерживая за талию и за руку. И каждый раз от твоих касаний тело покрывалось мурашками. Из-за этого чувства я не могла ни на чём сконцентрироваться и чувствовала себя как корова на льду. Как корова на сёрфе.

Но эмоции были непередаваемые, это правда!

Выбравшись на сушу, я не могла поверить, что прошло два часа.

– Хочу ещё, – измождённо падая на лежак и вытягивая ноги, выдала я.

Вы с Таней захохотали, и ты вдруг пообещал:

– Без проблем. Хоть завтра с утра.

– Замётано, – из последних сил выдавила я, не веря своему счастью. – В девять часов.

Что это было? Я только что назначила тебе новую встречу?

– Я пойду окунусь ещё быстренько, а потом решим, где поужинаем. Идёт?

– Идёт, – отозвалась Таня, пока я переваривала услышанное.

Ужин? У нас ещё будет ужин?

Я точно не сплю? Если сплю, не будите меня, пожалуйста. Я хочу здесь остаться.

– Пока всё идёт по плану, – шепнула мне Таня.

А что, у кого-то был план?

– Я гляжу, ты постоянно падаешь с доски прямо в его объятия.

Я измученно закашлялась.

– Да ладно тебе. Правильно всё делаешь. Нужно перед ужином забежать в номер и принарядиться. Пусть теперь он нас ждёт.

Я слушала всё это и не верила своему счастью. Второй день подряд вместе с тобой – сказка да и только! Оживший сон!

Вот же ты, в воде, в зоне видимости, и я могу смотреть на тебя, не стесняясь. Какой ты красивый, сильный. Какие у тебя широкие плечи, к которым так хочется прижаться. И не отпустить.

Перед глазами тут же всплыла картинка десятиминутной давности: ты ловишь меня в свои сильные объятия. Прикасаешься, смеёшься. И капельки воды блестят на твоих волосах,

падают мне на лицо. Нам так легко, даже слов не нужно. И мне остаётся мечтать лишь о том, чтобы эти летние дни у моря продолжались как можно дольше.

Ты вышел из воды минут через пять. Эффектно встряхнул головой, и брызги сверкающим полукругом слетели с твоих волос. Ты отлично знал, какое впечатление производишь. От удовольствия даже начал напевать какую-то песенку – я расслышала её, когда ты почти подошёл к нам, – и мне стало жутко неловко, как будто я за тобой шпионю.

Мимо проходящая девушка в купальнике со смелым вырезом едва не свернула голову. Правда, ты, к моему удовольствию, не обратил на неё никакого внимания.

А вот от Таниного взгляда такое нахальство не ускользнуло:

– Смотри, не растай, – ничуть не смущаясь, хмыкнула она, и девушка, смерив её уничижительным взглядом, ускорила шаг и отвернулась.

– Жарко, – выдохнул Лёня, снова проводя рукой по волосам. Несколько капель упали на песок и тут же исчезли. Я снова подняла взгляд и сразу же утонула в твоих глазах. – Может, по мороженому?

Никто не возражал.

Ты постоянно что-то рассказывал, мы с Таней смеялись, а потом твой взгляд вдруг замер на моём лице, и я не успела даже смутиться, как всегда это делала.

– У тебя мороженое, – и улыбка – тёплое, как альпийское солнце, вновь озарила твоё лицо.

– Где? – заторможено отреагировала я.

– Хм, хороший вопрос, – почесал ты затылок. – Есть варианты?

И пока я приходила в себя, чувствуя, какую глупость сморозила, ты ловким движением выудил из подставки салфетку и коснулся моей щеки.

– Спасибо, – пролепетала я, чувствуя себя ужасно, хотя, наверное, должна была летать на седьмом небе от счастья.

Наверняка теперь уже догадался о моих чувствах! Или принял за дуру.

И то и другое одинаково ужасно.

Уже через два часа мы договорились встретиться снова и вместе отправиться ужинать. Не знаю, что бы я делала, не будь со мной рядом Тани. Уже по дороге в гостиницу она заявила мне:

– Надо тобой заняться.

– В каком это смысле? – опешила я.

– Есть у меня одно платье... Берегла для избранных случаев, но, видимо, в этот раз придётся заняться твоей личной жизнью.

Моё сердце трепетно билось в груди. Моей личной жизнью? Неужели у нас с тобой может быть личная жизнь? Общая.

У тебя наверняка есть девушка, и я не готова становиться разлучницей, даже если на кону стоит возможность осуществления моей мечты. Нет, нет и нет. Никогда.

– Тань, скажи мне, он хотя бы на меня смотрит? – спросила я нерешительно. —Ну, как-то по-особенному?

– Обычно он на тебя смотрит, – покосилась на меня подруга как на ненормальную. – Всё в твоих руках. Вы оказались с ним в правильное время в правильном месте. Теперь ты будешь ассоциироваться у него с отдыхом и теплом – тебе это на руку. К тому же он один. И ты... Да, может, мне не ходить сегодня?

– Танечка, ну пожалуйста, – вцепилась я в её руку с жалобным писком. – Я умру там одна.

– Боже мой, детский сад! Другая б на твоём месте схватилась за этот шанс. Ты, он, море – романтика!

– В другой раз, ладно? Мне надо привыкнуть.

– Другого шанса может не быть. Ладно уж, что с тобой делать.

Когда подруга достала своё «умопомрачительно-шедевральное произведение искусства» (с её же слов) светло-зелёного оттенка, я состроила задумчивую рожицу.

И это тот самый шедевр, который сделает меня красоткой?

Но когда я его надела, моё мнение кардинально изменилось. Платье и правда было потрясающим: в меру открытым, в меру нарядным, при этом не вычурным, но... слишком коротким. И ткань – она так приятно ложилась на тело, словно едва касалась его.

– Очень красивое, – проводя по платью руками с полным благоговением и разглядывая себя в зеркало в полный рост, произнесла я.

– Я знаю, что красивое, поэтому верни мне его в целостности и сохранности, – заявила Татьяна. – И перестань одёргивать. У тебя ноги красивые, стесняться нечего.

Макияж я нанесла самостоятельно – всего лишь подкрасила ресницы и губы (а что ещё в жару нужно?).

Таня собралась очень быстро. Даже в обычных джинсовых шортах с потёртостями и белой футболке с принтом она ухитрилась выглядеть королевой. Хотя уверяла, что делает всё, чтобы я затмевала её:

– Себе в ущерб, между прочим.

До кафе мы добирались неспешным шагом: подруга собирала на себе заинтересованные взгляды прохожих мужского пола, я – тоже... Один или два. Ну, ладно, может, побольше. И это было так непривычно. Может, я просто не обращала на это внимание?

– Смотри, какая ты красотка! На нас все мужики пялятся.

– Это они на тебя пялятся, – буркнула я.

– Здравστε! Глаза открой. У тебя слишком узкий кругозор: идёшь, думаешь о своём Лёнечке и ничего вокруг не замечаешь. Учись мыслить масштабно и не забивать голову раньше времени. Мы ещё не пришли, а ты паришься.

Да, у неё всё легко. А у меня всё сложно. Такие вот мы противоположности.

В этот раз ты пришёл вовремя, и, когда мы подошли к летней веранде кафе (всего на десять минут опоздали), уже ждал нас за столиком. Галантно приподнявшись со своего места, отодвинул нам стулья и лишь после этого сел. А ещё сказал мне, что я выгляжу «потрясающе красиво» и долго смотрел на меня – весь вечер фактически.

Я улыбнулась и снова почувствовала смущение. Не то чтобы мне никогда не делали комплиментов, просто услышать комплимент от парня, который тебе симпатичен – совсем другая история.

Я так мечтала, чтобы ты мной восхищался! Я мечтала ловить на себе эти взгляды. И вот – сбылось. Пусть даже тогда, когда я почти перестала в это верить.

Ты, откинувшись на спинку своего стула и сдвинув брови, оглядывал меня с ног до головы, особенно долго задержав взгляд на ногах. Честно сказать, я смутилась от такого неожиданного внимания и тут же ссутулила плечи, стараясь стать незаметной. От тебя не укрылась моя реакция, и ты тепло улыбнулся, как будто хотел разрядить ситуацию.

– И когда ты выросла? – неожиданно произнёс ты.

Я подняла голову и удивлённо взглянула на тебя. В твоих глазах горел такой огонь, что у меня оборвалось дыхание.

– Чего вам хочется? – ловко подзывая к себе официанта, поинтересовался ты, не переставая улыбаться. Снова резко поменял тему, оставляя меня в лёгком недоумении.

Ну почему ты такой прекрасный? Не только красивый, но и воспитанный, щедрый. Хотя, конечно, с твоим материальным положением можно быть щедрым. Но ведь сколько есть миллионеров—скупердяев! А ты добрый. И воспитанный. И благородный...

Официантка корейской внешности весь вечер крутилась у нашего столика, улыбаясь и обращаясь только к тебе, что дало Тане ещё один повод для шуток. Я всё ждала, когда она

выскажет девушке что-нибудь вслух, потому что мне и самой немного хотелось её урезонить, но подруга была настроена мирно: от колкостей вслух воздержалась.

Не знаю, почему я всё время тебя ревную. У меня даже нет на это особых причин. Глупо ревновать звезду с неба, ругая за то, что все на неё смотрят. По-другому и быть не может. К таким, как ты – открытым и тёплым – люди слетаются как бабочки на огонь.

В тот вечер я почувствовала, как изменилась.

Я смотрела на себя в зеркало и мысленно твердила, что смогу быть спокойной и стойкой. Я точно знала, что это мой шанс хотя бы прикоснуться к той стороне твоей жизни, в которой я никогда не была. Оставить хоть какой-то след в твоей жизни. И, внушая себе, что я уверенная в себе девушка, а не амёба, я чувствовала, как внутри меня появляется что-то ещё. Способность быть сильной и смелой. Не быть подавленной этим чувством, а наконец-то расправить крылья и просто парить, наслаждаясь каждой минутой.

Письмо пятнадцатое

Привет. Уж не знаю, как так вышло, что я снова пишу тебе, Лёня. И снова в моем безвольном крике души к тебе грусть.

Я пытаюсь убедить себя, что поступила правильно, но боюсь, что, убеждая себя быть уверенной, перешла черту и оттолкнула тебя. А вдруг навсегда? Парни ведь не понимают этих глупых женских игр в кошки-мышки, они воспринимают всё очень буквально, и если я оттолкнула тебя – не подумаешь ли теперь, что ты мне совсем безразличен? Ведь это не так...

Я убеждаю себя, что поступила правильно, отказавшись встретиться наедине. Иначе быть не могло. Иначе я окончательно растворилась бы в былом чувстве и позволила ему овладеть остатками своей независимости. Ничего хорошего из этого не вышло бы, я же знаю. Поэтому и сказала «нет». Вряд ли твоё самолюбие от этого пошатнулось, а я спасала себя как могла.

Или, напротив, лишила себя шанса?

Когда я открыла дверь после стука, то меньше всего ожидала увидеть за ней тебя. В светлой футболке и джинсовых бриджах ты был ослепительно прекрасен.

– Привет, – улыбнулся ты, наверняка осознавая своё превосходство.

– Привет, – ровным тоном ответила я, поглядывая на часы: девять утра, между прочим – может, я что-то забыла?

Меня саму поразило, насколько уверенно прозвучал мой голос, если учитывать, что сердце при этом чуть не выскочило из груди. Может быть, в этом и есть секрет общения с парнями? Может, просто надо всё время держать их на расстоянии вытянутой руки?

А я вечно всего боюсь. Боюсь смотреть тебе в глаза, потому что ты можешь понять по ним что-нибудь, в чём я сама ни за что не признаюсь. Боюсь начать с тобой диалог, потому что думаю: «Кто я такая?». И ещё – что ты озвучишь мой ответ своим друзьям, и они будут смеяться надо мной. Хотя какое мне дело, кто что подумает?!

Мои подруги – Таня, например, – никогда не сомневаются в том, что делают. Просто потому, что не боятся ошибок. Судя по всему, рано или поздно это приводит к нужному результату. Но я так не могу! Просто не могу.

– Не разбудил?

– Нет. Я уже встала.

Я хотела пригласить тебя войти, но вовремя вспомнила, что в моём номере царит творческий беспорядок. Да и вообще – не слишком ли это, приглашать парня к себе? Вдруг подумаешь что-нибудь не то...

Хотя, какая разница?

Или разница всё-таки есть?

А-а-а, хватит! Снова эта эпопея – «тысяча и одна мысль».

– Не хочешь прогуляться?

– Сейчас? Мы же, кажется, вечером собирались. Таня...

– При чём тут Таня? Я хочу погулять с тобой. Сто лет не виделись.

Мне потребовалось несколько секунд на то, чтобы осмыслить эти слова, а потом я решительно, поражая тебя и удивляясь сама, выпалила:

– Извини, сейчас не могу.

Кажется, ты немного опешил от столь резкого сопротивления. Или просто не привык к слову «нет»?

– Ты занята?

– Да, немного. У меня уже были планы, и я не могу их отменить.

– Вот как... Понятно. Значит, твои минуты расписаны даже на отдыхе? Что ж, буду знать и забивать время заранее, – подмигнул мне ты. – До вечера!

Я закрыла дверь, стоило тебе сделать лишь несколько шагов прочь, и медленно сползла на пол.

«Что я натворила? Я отказала Лёне?»

Я схватилась за голову и рассмеялась от смешенных чувств. Я до сих пор не понимаю, правильно ли поступила. Может быть, стоило быть помягче? Разве это не то, о чём я мечтала? А я просто взяла и всё испортила. Сама тебя оттолкнула. Оттолкнула свою мечту. Испугалась.

Я всегда слишком много думаю. И слишком много сомневаюсь. В этом моя беда. И пока я просчитываю ходы на десять шагов вперёд, мои подруги уже встречаются с третьим по счёту парнем и примеряют свадебные платья. А я до сих пор одна.

А теперь скажи мне, Лёня, хорошо это или плохо? Где грань?

Но, вообще-то, я не обязана встречаться с тобой наедине, даже учитывая, что мы знакомы с горшочно-ползуночного периода. Это слишком обязывающе что ли... И вдруг ты всё ещё встречаешься с Надей, Таней, Олей? Тогда это тем более будет выглядеть слишком двусмысленно. Для меня. А спросить у тебя напрямик я не могу.

Но ведь это просто прогулка! Не свидание даже! Какое свидание утром?

Нужно было идти...

Делиться своими мыслями с Таней я не стала. Но и молчать о том, что ты приходил, не было смысла. Подруга отреагировала спокойно, как будто такой поворот сюжета был само собой разумеющимся.

– Не мудрено. Он вчера весь вечер на тебя пялился, – проводя кончиками пальцев по перилам набережной, вдоль которой мы шли, хмыкнула Таня.

– Правда? – растерянно произнесла я.

Сердце в груди болезненно и тоскливо сжалось.

– Ага. И дело не только в платье.

– Не замечала, – честно призналась я, будучи уверенной, что подруга сильно преувеличивает.

Ты на меня смотришь? Я боялась в это поверить. До сих пор ты был для меня нереально далёким сказочным принцем, а я глубоко внутри по-прежнему оставалась маленькой девочкой, в восхищении глядящей на тебя снизу вверх.

– Правильную тактику ведёшь, подруга. Такие как Лёнька любят завоёвывать девушек.

А я не вела никакую тактику. Просто хотела сохранить остатки самообладания и чувства собственного достоинства. Сколько можно каждый раз морально готовиться к встрече с тобой и трястись от страха ляпнуть что-нибудь не то?

– Кстати, а что с волосами? Новая укладка? Тебе идёт, – быстро сменила тему подруга.

– В каком смысле? – опешила я, всё ещё находясь под воздействием мыслей о тебе.

На самом деле я всего лишь подкрутила кончики и уложила волосы на один бок, но подруга заметила и оценила.

– Ой, не умеешь ты комплименты принимать. Всё, проехали. Смотри, что это там?

– Где? – я обернулась в ту сторону, куда указывал Танин палец с кольцом.

– Вот, смотри. «Вечер открытий». Специально для тебя, – указала она на небольшое объявление рядом с кафе. – Давай подойдём.

«Ты молод и талантлив? Умеешь виртуозно играть на инструменте, обладаешь шикарным вокалом, громко и до глубины души читаешь стихи или круто танцуешь? Мы ждём тебя...», – и далее следовала дата (завтрашняя) мероприятия и время начала, а также объявлен приз – ужин на двоих за счёт заведения.

– Ты же вроде неплохо играешь на гитаре? – перевела на меня вопросительный взгляд подруга.

– Играю, но...

Я хотела сказать, что никогда не участвовала в конкурсах и это не было моей целью, только Таня перебила меня с решительным выражением лица.

– Если ты не пойдёшь добровольно, мне придётся вытащить тебя туда за ноги!

– Вот на это я бы посмотрел, – раздался голос прямо за спиной.

Резко обернувшись, я увидела тебя. Ты улыбался, а я готова была провалиться под землю – так стыдно мне было.

И вместе с тем – мурашки по коже... Снова.

– Ты играешь на гитаре? – твои брови изумлённо взметнулись вверх.

– Нет, – резко выпалила я.

В моменты сильного волнения я становилась необычайно агрессивной.

– Как это нет? – встряла Таня. – Конечно, играет. У меня даже видео есть в телефоне. Могу сбросить.

– Отлично, я с радостью посмотрю. Но предпочёл бы услышать вживую. Ты никогда не говорила об этом, – мальчик-мечта чуть-чуть укоризненно посмотрел на меня сверху вниз, и я опустила глаза.

А ты никогда ничего обо мне и не спрашивал...

– Я играю не так давно. Когда мы виделись в последний раз?

Ты неопределённо пожал плечами, а потом протянул мне руку:

– Предлагаю устроить баттл. Кто из нас получит меньше баллов на конкурсе – организует другому свидание.

– Свидание? Что-то я не слышала, чтобы друзья назначали друг другу свидания.

– Ты можешь назвать это как угодно. Я просто хочу, чтобы ты приняла участие.

– Абсолютно бескорыстно? – недоверчиво прищурилась я.

– Не совсем. Только можно я пока не буду раскрывать всех своих тайн? – в который раз засмеялся ты, отчего у глаз показались лучики морщин, придававших твоему лицу особое очарование.

– Просто признайся, что хочешь поесть мороженого за мой счёт, я не обижусь, – пошутила я, чувствуя, как волнение внутри понемногу рассасывается.

Как будто мы вновь очутились в том времени, когда были совсем ещё малышами, и я ничего не знала о безответной любви.

На самом деле я действительно мечтала сыграть для тебя, Лёня. Сыграть так, чтобы ты понял, что я чувствовала все эти годы и... И, может быть, даже влюбился. Только это настолько смелые и нереальные мечты...

Я давно не читаю сказки, но вера в чудеса, кажется, заложена в нас генетически и не зависит от количества прожитых лет и полученных синяков.

– И это тоже, – кивнул головой ты. – Так, значит, решено?

– Лёнь, ну какой из меня противник? Ты давно занимаешься, я знаю твои возможности и прекрасно отдаю себе отчёт в том, что не смогу с тобой соревноваться.

– А ты не соревнуйся. Просто сыграй. Для меня, – ещё один взгляд сверху вниз попал прямо в сердце, и я поняла, что уже приняла окончательное решение на этот счёт.

Я кивнула, сдаваясь, и мы отправились подавать заявку на участие и есть фисташковое мороженое, вкуснее которого я никогда ничего не пробовала.

Да, я слабая. Я сдалась тебе, Лёня. Наверное, это произошло гораздо раньше, но отдала себе отчёт в этом я только сейчас.

Письмо шестнадцатое

Столько общих воспоминаний у нас давно уже не было, правда? И я не могу не воспользоваться моментом и не написать об этом в письме к тебе, чтобы ещё раз пережить внутри себя. Чтобы объяснить это так, как я видела, чувствовала, жила...

Утром, принарядившись для столь торжественного события – мы с Таней наконец-то собрались посетить музей истории и выставку современного искусства, – я спустилась на первый этаж, села в мягкое кресло ядовито-зелёного цвета и принялась ждать подругу, заранее набравшись терпения. Я без особого интереса поглядывала на мелькающие за большим окном лица и вдруг увидела в холле тебя. Станным образом ты уже не в первый раз прямо из моих мыслей оказывался передо мной наяву. Остановился ты в другой гостинице неподалёку – более популярной и комфортабельной, нежели та, где поселились мы с Таней. Туда, наверное, не пускают так просто, как здесь. Поэтому твоё неожиданное появление меня удивило и взбудоражило.

– Доброе утро! Как спалось? – направляясь ко мне, с улыбкой поинтересовался ты.

Восемь лет я мечтала, чтобы ты наконец-то спросил, как мне спалось. Нет, я серьёзно.

Я лишь улыбнулась, на этот раз не избегая твоего взгляда:

– Доброе утро! Всё хорошо.

Сегодня ночью мне снился ты (и это не удивительно!), но знать тебе об этом вовсе не обязательно.

– Не меня ждёшь? – ты вольготно уселся в соседнее кресло и хитро скосил глаза в мою сторону.

– Подругу. У нас с ней культурное просвещение намечается. Если хочешь, можешь пойти с нами, – предложила я, надеясь, что ты согласишься.

– Она не опаздывает?

– Опаздывает. Но с ней это не впервые.

– Открою тебе великую тайну: она вообще не придёт, – прошептал ты, склонившись к моему уху, так что по спине от волнения побежали мурашки.

– Не придёт?

– Ну да, – с задорной улыбкой пожал плечами ты. – У неё наметились другие планы. Она пообещала, что ты не обидишься. Я тоже хочу сходить на эту выставку, только мне не с кем, – с милой улыбкой пожал ты плечами.

Не с кем? Любую свистни – она тут же примчится. Я же вижу. И ты это знаешь.

– ..А Тане не слишком интересно, но бросать подругу совесть не позволяет. Вот мы и придумали выход.

Пару секунд я приходила в себя, обдумывая услышанное. Это шутка или они и правда вступили в сговор? Когда успели-то? А вдруг это розыгрыш – я уйду, а Таня как раз появится?

– Ну, хочешь, сама ей позвони, – кивнул ты на мобильный в моих руках, заметив моё замешательство.

– А почему она сама мне об этом не сказала?

– Возможно, боится твоего гнева, – смешно сводя брови и изображая злость, которую я вроде как должна была испытывать в этот момент, произнёс ты. – Ну или у неё появились планы поважнее.

Я удивлённо приподняла бровь.

– Парень из номера напротив, например, – читая мои мысли, ответил ты.

– Что-о-о? И когда вы успели уже посекретничать?

– Да мы и не секретничали. Я просто заметил их вместе, мило беседующих... И, да, она представила его как парня из соседнего номера. Как зовут забыл, но это не суть важно.

– Интере-е-е-сно, – протянула я. – И что теперь делать?

– Как это что? У нас же есть план. Пойдём на выставку, как и собирались. Ты же не против моей компании?

Я засмеялась и отрицательно мотнула головой.

– Я ещё в музей хотела.

– И в музей сходим, – ты поднялся и протянул мне руку. А когда я поднялась, согнул руку в локте и положил туда мою руку. Так, под ручку, мы и вышли из гостиницы.

После посещения музея и выставки (по-моему, тебе они не очень пришлись тебе по вкусу, по крайней мере, твоё скучающее выражение лица и ставшая машинальной улыбка говорили именно об этом), мы почти синхронно высказали идею о том, что нужно бы подкрепиться. И это совпадение ещё больше укрепило меня в мысли о том, что мы не просто чужие люди, а, определённо, родственные души.

Я заняла крайний столик и наблюдала, как ты неспеша пошёл делать заказ и встал в очередь, как мило улыбнулась тебе девушка из-за стойки, как ты возвращаешься с полным подносом к столику, двигаясь с удивительной грацией. Я прямо залюбовалась тобой, глядя, какой ты стройный, высокий, широкоплечий.

– Ой, сколько ты всего понабрал...

– У меня проснулся зверский аппетит.

– У меня тоже.

На подносе стояли две большие тарелки с пищей, картошка фри, два салата, две колы, мороженое и ещё куча всякой вредной еды, которой я жутко хотела отведать.

– Ужас, я не осилю.

– А мы не спешим, – подмигнул ты, усаживаясь напротив и протягивая мне колу.

– Это всё очень вредно.

– А ты прям такая правильная?

– Была, – поправила я.

Ты удивлённо приподнял бровь.

– Пока не поняла, что всё время жить правильно – скучно, – пояснила я.

– Вот это правильно, – произнёс ты и тут же засмеялся получившейся тавтологии.

Первые минут пять, пока поглощали еду, мы почти не общались – обменивались лишь редкими и незначительными репликами о погоде и море.

А потом... Уж не знаю, как именно мы затронули эту тему.

– Ты помнишь свою первую любовь? – спросил ты, доедая вторую порцию мороженого, пока я всё ещё пыталась справиться с первой.

– Помню, – улыбнулась я, подперев подбородок рукой. – Она была безответной.

– Почему? – удивился ты, как будто вообще впервые услышал такое понятие.

Я пожала плечами.

Наверное, потому что такие популярные мальчики никогда не влюбляются в таких девочек, как я.

– Давно это было?

Я усмехнулась. Сказать или нет? Интересно было бы увидеть твою реакцию. Ведь это не «было», это всегда со мной.

– Хм... Ну, если говорить про совсем первую – в начальных классах я была влюблена в Сергея Безрукова.

Ты хмыкнул.

– Неудивительно, что любовь была безответной.

– Она быстро прошла.

– А первой настоящей любовью, – выделил ты именно это слово – «настоящей», чтобы я уже не отвертелась.

Мда, сидеть напротив своей первой любви и рассуждать об этом – немножко пахнет шизофренией.

– Хороший хоть мальчик?

Ещё какой! Самый лучший!

Я ограничилась небольшим, но ёмким ответом:

– Хороший.

– А сейчас общаетесь?

– Немного.

Заметив, что тема приближается к опасной границе, я предпочла переключиться на твою историю.

– А твоя первая любовь?

– Моя? Ну, мы встречались несколько лет, часто ругались – вот это помню. Это даже не любовь была, наверное...

«Надя», – догадалась я.

– Почему ссорились? – задала я вопрос, прежде чем успела себя одёрнуть: кажется, я пытаюсь влезть в твоё личное пространство.

– Она ревновала, каждый раз устраивала сцены. Доходило до смешного, честное слово. Я не мог пойти погулять с друзьями или отвезти кота в ветклинику без предварительного звонка, иначе истерика, – ты недовольно поморщился, и я почувствовала, что наконец-то начинаю узнавать тебя – незнакомые мне выражения лица, жесты – было так интересно открывать для себя что-то новое.

– Из-за этого и расстались?

– Она слишком навязчиво требовала перезнакомить её со всеми родственниками до седьмого колена.

Я не сдержала смехок.

– И это стало поводом?

– Для меня – да.

Я задумалась. С тобой никогда не знаешь наверняка, серьёзно ты говоришь или шутишь. Но, судя по твоему выражению лица, на этот раз была правда. Ты, видимо, из тех, кто слишком дорожит своим личным пространством. Или боялся, что это слишком серьёзный шаг, и за ним должен следовать другой, к которому ты не был готов.

– Не жалеешь о расставании?

– Я не люблю смотреть назад. Если часто оборачиваться, можно свернуть шею.

Разговоры про Надю мне были не слишком приятны, поэтому мы долго на них не задерживались. Ты, наверное, это тоже понял, потому что тут же обратил моё внимание на пару за окном.

– У всех любовь... Вон, смотри.

Я проследила за твоим взглядом и обратила внимание на парня и девушку чуть младше нас. Счастье, которое они излучали, было видно и на расстоянии.

– Атмосфера располагает, – вставила я.

– Могу поспорить, первое, что она спросила сейчас: «Как я выгляжу?»

– Почему? – рассмеялась я от такого познания женского поведения и прокрутила в картинках увиденное. А ведь похоже, что так и было.

– Не знаю. Вы, девушки, всё время это спрашиваете.

– Потому что другим способом от вас комплиментов не добьёшься.

– Да ладно! Вот, знаешь, можно составить топ-пять вопросов, которые вызывают панику у любого парня.

– Да-а? Интересно, – я подпёрла рукой подбородок и заглянула тебе в глаза, давая знать, что тема мне небезразлична.

– Хочешь знать? Ладно. Ну, например, мой самый любимый вопрос: «Ты ничего не замечаешь?» Я всегда думаю: «А-а-а, только не это! Что я должен ответить? Так, это точно вопрос с подвохом. Подстриглась? Покрасилась? Новое платье? Вот блин, а в чём она была в прошлый раз? И что говорить? Ничего кроме правды? Или всё, кроме правды? Всё, я сдаюсь, это слишком сложно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.